

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**«РАЗДАВИТЕ
ПРОКЛЯТУЮ
ГАДИНУ!»**

**РЕЧИ
СТАЛИНСКОГО
ПРОКУРОРА**

**Андрей
Вышинский**

Андрей Януарьевич Вышинский
«Раздавите проклятую гадину!»
Речи сталинского прокурора
Серия «Советский век»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67319670

А. Я. Вышинский. «Раздавите проклятую гадину!». Речи сталинского прокурора: ООО «Издательство Родина»; Москва; 2022

ISBN 978-5-00180-531-1

Аннотация

Андрей Вышинский выступал в качестве государственного обвинителя на известных судебных процессах сталинской эпохи: дело «Гукон» (1923); дело ленинградских судебных работников (1924); дело Консервтреста (1924); «Троцкистско-зиновьевского террористического центра» (1936), дело «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (1937) и «Право-троцкистского блока» (1938).

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Дело «Гукон»[1]	5
Дело ленинградских судебных работников	85
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Андрей Вышинский
«Раздавите проклятую
гадину!». Речи
сталинского прокурора

© Вышинский А. Я., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

* * *

Дело «Гукон»¹

Громадное бедствие, обрушившееся на Советскую республику в 1921 году, вызванное неурожаем в Поволжье и на Юго-Востоке, внесло полное расстройство в хозяйственную жизнь многомиллионного крестьянства в этих краях. При первых тревожных сведениях о бедствии на Волге Рабоче-крестьянское правительство стало принимать необходимые меры как по спасению людей от голода, так и по сохранению скота от неминуемой гибели за отсутствием подножного корма в пораженном неурожаем крае. При ВЦИК была организована Центральная Комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол). 26 июня 1921 г. была организована при ЦК Помгол так называемая «Секция по спасению животноводства».

Главная задача, которую себе ставила секция, состояла в вывозе скота из голодных губерний, примерно, в количестве 40 000 голов и распределении его между губземотделами благополучных по урожаю губерний, а также заготовка фуража для прокормления эвакуируемых лошадей в пути и остающегося на месте скота. На это дело было ассигновано 132 миллиарда рублей (в денежных знаках того времени). Выполнено было, однако, только 14 % задания, вывезе-

¹ Главное управление коневодства Народного Комиссариата земледелия РСФСР.

но всего 9 % скота, а фуража заготовлено было лишь около одного миллиона пудов.

Привлеченные к этому делу «работники», вместо того, чтобы отдать свои силы на выполнение этой ответственной и настоящей задачи, вместо помощи голодающему населению и гибнущему скоту, занялись собственным обогащением и спекуляцией. Получив вышеуказанные средства, они их пустили в оборот в личных выгодах: скупали племенных лошадей для себя и пускали их на бега; используя свое положение уполномоченных ВЦИК, отбирали в совхозах лучший скот, совершали всякого рода торговые операции в личных интересах, делали в собственную пользу незаконные отчисления и попутно совершали фиктивные сделки, действуя путем взяток и подкупа.

В своей деятельности часть преступников исходила из предположения, что обрушившееся на Советскую республику бедствие, возможно, или сокрушит советскую власть, или заставит ее восстановить частную собственность на недвижимое имущество. Именно исходя из этого они пытались концентрировать в захваченных ими совхозах лучший скот и даже скупать дома и имения. Среди этих работников Топильский (управляющий делами секции) устроил на своей квартире неофициальное собрание уполномоченных, на котором потребовал в свою пользу соответствующих процентных отчислений от получаемых уполномоченными отчислений на «организационные расходы» из отпускаемых им опе-

рационных сумм.

Являясь негласным пайщиком частного предприятия – товарищества «Оптовик», – Топильский дал распоряжение уполномоченному Тимашкевичу сдать на 12 млрд. руб. на комиссионных началах принадлежащую секции мануфактуру, за что получил вместе с Тимашкевичем с «Оптовика» 6 млрд. руб.².

Топильский купил национализированный дом № 14 по Мясницкой ул. и другой дом у Михайловых и в январе 1922 года национализированное имение «Клусово» в Волоколамском уезде Московской губернии, составив при содействии Торсуева, бывшего нотариуса, соответствующие запродажные на произведенные им покупки, датировал их 1917 годом, т. е. совершил преступление, предусмотренное ст. 189 УК (ред. 1922 г.). Кроме того, он оклеветал председателя секции Позигуна, оговорив его и приписав ему соучастие во всех своих преступлениях по секции.

Рождественский – помощник начальника конного фонда – содействовал Топильскому в получении высокоплеменных лошадей и сам получил их, для чего специально ездил в Сибирскую губернию, где дал задание уполномоченному Теплову купить и доставить их в Москву.

За содействие Топильскому и Ширяеву в получении лошадей Рождественский получил лошадь; в целях вымогательства взятки уничтожил выданный ранее уполномочен-

² Везде исчисление приводится в денежных знаках 1922 года.

ному Наркомпрода мандат на Симбирскую губернию и выдал мандат на покупку лошадей в г. Тверь, где лошадей не было.

Теплов – уполномоченный секции по Симбирской губернии – выдал Топильскому 400 млн. руб. в форме отчислений, пользуясь своим служебным положением, присвоил государственных лошадей, пуская их на бега, злобно оклеветал Позигуна в получении незаконных отчислений, а также следователя ГПУ, выдал от имени секции разрешение частным контрагентам на провоз лошадей из Симбирска в Москву, снабдив их фиктивной распиской на право собственности на этих лошадей.

Ширяев – уполномоченный секции по Саратовской губернии – совместно с уполномоченным Лукьяненко заключил с Вогуленко договор на поставку 50 тыс. пудов сена по 28 тыс. руб. за пуд, платя ему в действительности по 17 тыс. руб., организовал, пользуясь своим должностным положением, товарищество «Племскот», в состав которого ввел своего брата, и заключил с этим товариществом с явным ущербом для государства договор на передачу товариществу до 1 декабря 1927 г. более 5 тыс. голов скота и части фуража, но не достиг, по не зависящим от него обстоятельствам, указанной цели и, наконец, пользуясь своим положением, приобрел на государственные средства лошадей для себя.

Тимашкевич – уполномоченный секции, – получив задание обменять сахар на мануфактуру, вошел в соглашение с

Богородско-Щелковским трестом и за эту операцию удержал в личную пользу 29 ящиков ниток, которые продал за 2 млрд. руб., и, наконец, получил с «Оптовика» 1381 млн. руб. за поручение последнему произвести операции с мануфактурой.

Зверев – пайщик частного предприятия т-ва «Оптовик» – дал Топильскому и Тимашкевичу взятку в размере 6 млрд. руб. за получение на комиссию мануфактуры и других предметов, совершил мошенническую сделку в пользу Топильского при покупке национализированных двух домов и имения.

Лаврухин – уполномоченный секции – отчислил в пользу Топильского 800 млн. руб. под фиктивную расписку на фураж.

Рунов – инспектор РКИ при Гуконе – получил взятку в 6 млн. руб. от уполномоченного Наркомпрода Бендера за содействие в получении разрешения на покупку лошадей в Симбирской губернии.

Торсуев – бывший нотариус – незаконно составил запродажную в пользу Топильского на два дома и одно имение, которые были национализированы, датировав ее 1917 годом.

Михайлов Алексей – в 1921 году продал Топильскому бывший свой, ныне национализированный, дом № 14 по Мясницкой ул., составив запродажную 1917 годом.

Вогуленко – составил поддельный договор с уполномоченным Шулевым на поставку сена по 28 тыс. руб. за пуд, хотя в действительности получал по 17 тыс. руб.

Мишель — зам. председателя Центральной контрольно-разгрузочной фронтовой комиссии — пытался при помощи противозаконных махинаций присвоить себе лошадей, принадлежащих государству, используя при этом также свое служебное положение пом. начальника Гукона.

Михайлов Г. Ф. — московский домовладелец — был причастен к незаконной продаже его братом обвиняемым А. Ф. Михайловым национализированного дома в Москве.

Сушкин и Янковский — были привлечены к суду за соучастие в преступлениях, совершенных обвиняемыми Руновым и Бендером.

Дело это рассматривалось 25 мая — 7 июня 1923 г. судебной коллегией Верховного суда РСФСР.

* * *

Товарищи судьи! Перед тем, как закончить судебное следствие, Верховный суд постановил ввиду ясности дела отказаться от допроса оставшихся недопрошенными свидетелей. Это в значительной степени облегчает задачу сторон и, в частности, мою как государственного обвинителя. Если дело достаточно ясно и если суд ввиду этой ясности считает себя вправе отказаться от допроса ряда свидетелей, то, очевидно, те многие дни, которые нам пришлось здесь провести над изучением этого тяжелого дела, не пропали для нас бесследно. Задача моя в силу этого значительно облегчается.

И тем не менее задача эта достаточно тяжела, как тяжёлы, а порой даже кошмарны те воспоминания, которые возбуждал в нашем сознании этот процесс, явившийся отзвуком постигшего нашу республику два года тому назад страшного бедствия.

Это бедствие поразило сотни тысяч крестьянских хозяйств, поставленных под угрозу разорения, и миллионы людей, поставленных лицом к лицу с голодной смертью. Вся страна тогда поднялась на борьбу с этим страшным врагом — с недородом, занесшим свою костлявую руку над людьми и полями, выжженными безжалостным солнцем. Это был страшный бой, и страна наша, страна рабочих и крестьян, хозяев молодой республики победила. Голод был сломлен.

Миллионы наших братьев были спасены.

Сила организованности и братской солидарности сломила силу смерти, восторжествовала над ней. Но раны, нанесённые этим бедствием нашей стране, кровоточили; требовалась длительная и упорная работа по ликвидации последствий недорода, сильно пошатнувшего благосостояние крестьянского хозяйства. Ведь убыль одних только лошадей достигла громадных размеров. В ряде губерний считается от 60 до 70 % этой гибели. Астраханская, Самарская, Саратовская, Уральская и целый ряд других губерний дали приблизительно тот же самый процент гибели лошадей. Для восстановления крестьянских хозяйств только в одной Саратовской губернии нужно 22 тысячи голов. Чтобы удовлетворить нужды

пострадавших от недорода хозяйств Татарской республики, нужно приблизительно 65 500 лошадей, а это составляет значительный процент всего конского поголовья республики. В Челябинской губернии гибель скота достигла тех же самых размеров.

Вот почему созданная ВЦИК комиссия помощи голодающим не могла не поставить перед собой в качестве одной из важнейших и первоочереднейших своих задач заботу о восстановлении конского поголовья. В этих целях при комиссии помощи голодающим была организована секция по спасению животноводства. Тогда же, а именно 28 июля 1921 года, была организована и так называемая чрезвычайная комиссия по эвакуации и закупке скота в голодающих губерниях Поволжья. Эта комиссия чрезвычайная, ей дается исключительное задание. Я не думаю, что было бы преувеличением сказать, что то задание, которое стояло перед чрезвычайной комиссией по закупке и эвакуации скота из голодающих губерний Поволжья, было несколько не менее ответственным, чем основная задача, стоявшая перед ЦК помощи голодающим. Составлен был план вывоза в трехмесячный срок 40 тысяч голов скота, отпущены были деньги.

Все, кто могли, должны были прийти и пришли на помощь для решения этой задачи: НКПС, НКВод, НКЗ, все сосредоточили на ней свое основное внимание – одни вагонами, другие фуражом и зерном, но каждый стремился, отвечая требованиям дня, помочь чрезвычайной комиссии в осуществ-

лении возложенной на нее великой миссии.

Нужно было собрать аппарат, нужно было организовать людей. Подсудимый Топильский здесь говорил: «Не купцы нужны были, не торговцы нужны были, нужны были организаторы». Этих организаторов должна была найти и нашла чрезвычайная комиссия по спасению животноводства в нашей республике. И был организован аппарат силами лиц, стоящих во главе этой комиссии: подсудимым Топильским и подсудимым Позигуном организуется аппарат... Но что это за «аппарат»? Это не советский аппарат, а слетевшееся на наживу воронье. «Ворон к ворону летит, ворон ворону кричит: ворон, где б нам пообедать...». Вот как организовывался аппарат спасения животноводства в республике. Вороны слетелись, и каждый думает о том, где бы пообедать... Один за другим сюда слетаются эти черные вороны, – больше того, хищники, стервятники.

Посмотрите, как составлялся этот аппарат, как подбирался этот аппарат. Вот Теплов, уполномоченный по Симбирской губернии Кто он такой? В 45 лет он записался в коммунистическую партию, а до того он был арендатором виноградного сада, маленьким виноградным помещиком и управляющим рыбными промыслами. Ничего общего с пролетарской средой он, конечно, не имел и, пролезши в партию, остался таким же хозяйчиком, как был и до того. Я вернусь потом к подробной характеристике Теплова и остальных подсудимых. Сейчас я называю их, чтобы показать, как

сколотился и из кого составлялся этот аппарат, которому была поручена величайшая в истории по ответственности задача.

Вот Ширяев, эсер, максималист, прошедший тюрьму, побывавший в 1918 году на фронте, куда он ездил якобы в целях борьбы с меньшевиками и правыми эсерами, и кончивший лошадиным барышничеством, в котором он сам сознался. Он из этой же вороньей породы и прилетел сюда потому, что здесь можно было лошадку купить, можно было на людском горе заработать. Или Тимашкевич, этот шоколадный кавалер, который, идя к следователю, не забывал по дороге зайти к его супруге, которая его когда-то пожалела и обедом перед арестом угостила, правда, очень скромным обедом из вареной картошки, хотя с бокалом вина, вероятно случайно оказавшегося в буфете. Этот «шоколадный человек», что он общего имеет с общественными задачами, стоявшими перед комиссией, как он мог вести свою работу иначе, чем он ее вел, окунувшись с головой в знаменитые операции с мануфактурой, в результате которых он присвоил 29 ящиков ниток? Или Рождественский, заместитель начальника конного фонда, которого здесь очень хорошо аттестовали в своих показаниях другие подсудимые, ездивший, как оказалось, в Симбирскую губернию для того, чтобы высмотреть себе лошадку, и присмотревший прекрасную «Арагву».

Вот еще одна «общественная» фигура, тоже прошедшая перед судом. Это – Лаврухин, человек с большим прошлым

и с известным в буржуазных кругах именем, один из тех, которые когда-то претендовали быть представителями русского общества, будучи, в действительности, лишь представителями кадетско-народнической интеллигенции. Вы видели, как вчера он беспомощно путался в этих «лошадиных» объяснениях по поводу несчастной расписки на 800 миллионов рублей, как маленький школьник, пойманный на очень дурной проказе. Топильский говорил, что, подбирая аппарат, он людей приглашал из «общества», общественных деятелей, людей, всем известных или с солидными партийными рекомендациями. Очень может быть, что у друзей Топильского была не одна, а даже несколько рекомендаций, но это несколько не меняет того безобразного, преступного положения, которое характеризует это дело. Мы знаем, как это воронье умело обскакать самого авторитетного человека, так обскакать и обвести вокруг пальца, что только диву даешься. Общественные деятели, которых набирал Топильский: Ширяев, Теплов, Тимашкевич, Рождественский, – барышники, которые как будто совсем забыли, в какое время они работали, какие задачи стояли перед ними, куда они были посланы. Перед ними стояли великие и благородные задачи. Но они пришли на это дело не во имя этих задач, а как крестоносцы средневековья, чтобы пограбить и потешить свою плоть.

Они пришли на это дело как стяжатели для барыша, для личных выгод. На голоде, болезнях, смерти и разрушении они «зарабатывали», уводя в свои конюшни из голодного

Поволжья по статному жеребцу, а то и по два. Это не общественные деятели, как их торжественно называл Топильский, а организованная шайка, как более метко и правильно охарактеризовал эту компанию Бендер. Итак, аппарат организован, люди подобраны. Пойдем дальше. Нужно установить условия работы, выработать организационные формы. И вот начинается выработка организационных форм. Посмотрим, в чем заключалась эта выработка организационных форм и что это были за формы. Я прошу вас припомнить показания подсудимого Топильского, откровенно рассказывавшего, как собирались компетентные в «сих делах» люди, «специалисты» по взяткам, и обсуждали, как лучше и безопаснее повести это «дело». Он вам говорил о семнадцати учреждениях, через которые должны были проходить всякие разрешения, какая в этих учреждениях была волокита, как нужно было преодолевать эту волокиту и добиваться благоприятных «заключений», смазывая, ублажая, проталкивая, воздействуя, так Что никак нельзя было обойтись без «накладных расходов».

Топильский пытался нас здесь уверить, что именно он и его «общественные деятели» решили строго-настрого на путь взяточничества не становиться, никого не «смазывать», а вести работу честно, без этих «накладных» расходов. Он говорил об этом так убедительно, что нельзя было бы ему не поверить, если бы не выступил здесь подсудимый Лаврухин, испортивший всю музыку. Лаврухин подтвердил, что «спе-

циалистов» по проталкиванию грузов и по взяткам они вызывали и заслушивали именно для того, чтобы узнать, как и им, подсудимым, приобщиться к этой системе, как, с какого конца начать им свою «плодотворную» деятельность. Лаврухин подтвердил, что на этих сборах обсуждался вопрос, кому давать, сколько давать, как давать.

Таким образом, основным организационным вопросом, который стоял на этих совещаниях уполномоченных вместе с управделами Топильским, был вопрос об организации взяточничества. Все последующие показания ряда подсудимых и самого Топильского в течение всего предварительного следствия, за исключением последнего, «предсмертного», письма, все говорят о том, что основное внимание подсудимых было направлено раньше всего именно в эту сторону, — нужно было взять с уполномоченных 15 % организационных. Вопрос так и решился: установить 15 % организационных отчислений в пользу так называемого «Центра». Я не буду сейчас расшифровывать, что скрывалось под этим «Центром», скажу лишь, что центральной фигурой в этом «Центре» был Топильский, который организовал эти отчисления, который их получал и который ими распоряжался так, как он хотел или считал необходимым. Я готов допустить, что часть этих расходов действительно шла на оплату всяких мелких услуг всякого рода мелких технических работников, но только часть. А остальные деньги куда шли, а громадная масса этих отчислений куда девалась, а какое влияние это оказы-

вало вообще на всю работу, на всех работников? Вот вопрос, от которого отвертеться никак нельзя и который нужно разрешить со всей точностью.

Топильский показывал неоднократно, и это совпадает с показаниями ряда и других подсудимых, что в эти отчисления вошли у него и полтора миллиарда рублей, полученных им с уполномоченного Лукьяненко, и 800 млн. руб., полученных с уполномоченного Лаврухина, и 400 млн. руб., полученных с уполномоченного Теплова, и 700 млн. руб., полученных с уполномоченного Ширяева. Он сказал о том, о чем он никак не мог, по его словам, умолчать, – сколько он получал и от кого. Что он скрыл и о чем он не сказал, остается известным только ему. Но это он сказал, и я готов поверить в этом Топильскому полностью. Лаврухинские 800 млн. рублей – это факт.

Правда, Лукьяненко нет, и проверить через него показание Топильского мы не можем. Но Лаврухин здесь, и он подтверждает, что 800 млн. руб. им были, действительно, Топильскому переданы.

Хотя Лаврухин на предварительном следствии несколько раз менял свои показания по этому вопросу, в конце концов он все же должен был признать, что он действительно послал эти деньги в распоряжение Топильского через Зуева. Лаврухин отчислил 800 млн. руб., Топильский получил 800 млн. руб. Это надо считать твердо установленным. Теплов рассказывает, что он раз отчислил в пользу «Центра»

240 млн. руб., другой раз отчислил 200 млн. руб. и третий раз – 400 млн. руб. Отчисляли, перечисляли на чужой счет, а 150 млн. руб. заплатили секретарю комиссии по спасению животноводства. Вот тетрадь № 4, о которой сегодня шла речь. В ней сказано, что уполномоченному Ширяеву действительно было предложено за подписями Топильского и Позигуна перечислить 480 млн. руб. уполномоченному Лукьяненко. Характерно, что в деле нет расписки в получении этих денег, а есть лишь справка о том, что деньги эти якобы были выданы Дьяконовой. Возникает вопрос, действительно ли Дьяконова их получила? В деле нет никаких решительно подтверждений этого.

Я считаю, что запись на Дьяконову была сделана фиктивно, ибо Дьяконова получение денег отрицает, расписки ее нет, а есть какая-то весьма странная «справка»...

Можно считать установленным, что 610 млн. руб. от Ширяева были также получены «Центром», т. е. Топильским.

Топильский это отрицает. Но его отрицание – простое, голое отрицание – неубедительно и бездоказательно. Все обстоятельства дела говорят против Топильского, говорят, что отчисления производились и Лаврухиным, и Лукьяненко, и Тепловым, и Ширяевым.

Важно отметить, что, не надеясь на успех своей тактики отрицания, Топильский выдвигает версию о своей психической болезни. Эта версия появилась 21 мая 1923 года, в тот самый день, когда обвиняемые получили повестки с вызо-

вом их в суд.

Тогда, товарищи судьи, впервые в судебной коллегии появилось заявление жены подсудимого Топильского, в котором она пишет, что Топильский уже десять лет болен страшной болезнью и что на почве этой болезни у него произошло расстройство умственных способностей. Это заявление было подано именно в тот момент, когда никакого иного способа оттянуть это дело не было, когда никакого пути для того, чтобы уйти от суда, не осталось. Вы наблюдали этого человека в течение всего процесса и вы могли убедиться, что умственные способности у него в порядке, что он давал объяснения по делу вполне логично. А если логика ему не помогла, то это потому, что против него стоял враг, который страшнее всяких врагов, против него стояла правда, и в борьбе с правдой он терпел поражения и падал пораженным.

Возвращаюсь к существу дела.

Итак, организационный вопрос решили. Собрали людей, в достаточной степени объяснились, обеспечили себе возможность получения денежных средств на всякие случайные обстоятельства и деловые расходы – деловые расходы, несомненно, у них в некоторой части были – и приступили к работе. Но куда у них оказалась направленной главная мысль? Мысль работала у них, по моему глубочайшему убеждению, в сторону удовлетворения личных корыстных интересов. Их отношение к делу можно охарактеризовать только так – стремление к наживе, к удовлетворению

личных интересов.

Вместо того чтобы спасти голодающих, спасти гибнущее хозяйство, эти господа все свое внимание сосредоточили на одном – на наживе.

Один мечтает о приобретении для себя лошади и больше ни о чем и думать не хочет. Другой мечтает о племенной корове и т. д. и т. п. Основная руководящая идея у них – не спасение гибнущих, не локализация этого ужасного бедствия, а удовлетворение личных вкусов и личных желаний – точь-в-точь как в буржуазном обществе, где танцуют и флиртуют «в пользу бедных», где устраиваются благотворительные вечера и маскарады в пользу «недостаточных» студентов, спасения утопающих, погоревших, пострадавших от землетрясения, – от чего угодно, лишь бы под этим предлогом можно было весело и с личной выгодой для себя провести время.

Подсудимые построили всю свою «работу» на стремлении всячески использовать в своих корыстных интересах и государственных средства, отпущенные на борьбу с этим бедствием, и весь созданный в целях этой борьбы аппарат.

На этой почве выросло так называемое Юго-восточное общество. Что такое Юго-восточное общество? В Юго-восточном обществе произошло скрещение нескольких тенденций. В Юго-восточном обществе раньше всего наметилась и достаточно резко выявилась именно эта старая буржуазная, частнособственническая тенденция – на почве борьбы с общественным бедствием найти средства и за счет отпущен-

ных для этой борьбы средств создать частные предприятия. В Юго-восточном обществе эта тенденция проявилась очень резко и отчетливо. Но тут имеется и другая тенденция, не формулированная ни в одном уставе – ни Юго-восточного общества, ни общества преступников, сидящих здесь на скамье подсудимых, – тенденция, которая носит достаточно отчетливый политический, антисоветский, контрреволюционный характер. Эта тенденция – от эсеровщины, которой заражен ряд подсудимых.

Подсудимый Торсуев прекрасно вскрыл эту тенденцию, когда давал нам объяснения о причинах, по которым Топильский занимался скупкой больших и малых домов, принадлежащих, кстати сказать, Московскому Совету. Из этих объяснений явствовало, что одной из сил или пружин, толкавших Топильского на скупку домов, было убеждение, что дни советской власти сочтены, что советская власть задыхается от голода. Разруха сожрет ее. Она недолговечна, и если она устоит как советская власть, то во всяком случае она должна будет сделать такие уступки частному капитализму, которые уничтожат самую сущность советской власти как власти рабоче-крестьянской, ликвидировавшей частную собственность на землю, на фабрики, на дома. И вот с этой затаенной мечтой Топильский решает с Зверевым, а Зверев с Михайловым – начать скупку домов. Вот эта контрреволюционная тенденция, надежда на то, что власть советская рухнет, а они – эти новые помещики, новые домовладельцы –

останутся и будут богатыми и счастливыми, эта тенденция в очень сильной степени проявлялась и у Топильского, и у организованного по инициативе Топильского так называемого Юго-восточного общества.

Ведь разве не странно, что в то самое время, когда Топильский в надежде на скорое и якобы неизбежное крушение советской власти начинает скупать дома, он рассылает уполномоченных и дает им задания наполнять лучшие совхозы лучшим племенным скотом, набивать склады лучшим продовольствием и фуражом и ждать до весны, когда по расчетам Топильского и его друзей должна рухнуть советская власть. Томительное ожидание, сладостное, но несбыточное мечтание... Вот в этом сладостном контрреволюционном ожидании и пребывали уполномоченные Теплов, Ширяев, Лаврухин: один в Симбирской губернии, другой – в Саратовской, третий – в Самарской. Подсудимый Теплов здесь рассказывал, что ему, как коммунисту, это стало казаться подозрительным, и он решил ничего не предпринимать по плану Топильского. Хорошо решил, что и говорить. Но это не помешало да и не могло помешать «уполномоченным» Топильского разворачивать свою работу вовсю, хотя кое у кого и закрадывались сомнения в том, выйдет ли что-нибудь из этой затеи. Подсудимый Лаврухин даже пришел на одно совещание, чтобы отказаться от участия в этом обществе. Он сказал: «Я не верю, это одни разговорчики». Но разговорчики это или нет, а совхозы стали передаваться секции.

Защита несколько раз подчеркивала в течение судебного следствия это обстоятельство, стараясь доказать, что раз совхозы передавались секции, то, следовательно, здесь нет ничего преступного. Увы! Я напомним показания свидетеля Горового, который по аналогичному поводу справедливо заметил: «Пути контрреволюции неисповедимы». Да, можно брать совхозы от имени секции и передавать их секции, а потом обернуть эти совхозы против республики. Как это делается? Контрреволюция действует самыми разнообразными способами, порой чрезвычайно хитрыми и изощренными. В данном случае вся задача заключалась в том, чтобы стянуть племенной скот в совхозы, превратить их по существу в частно-капиталистические предприятия и подготовить передачу их капиталистам тотчас же по реставрации капитализма.

А пока что – легкая нажива на трудном деле, мелкие и крупные жульнические делишки, стяжательство, корысть, прикрываемые высокими словами о помощи...

Перехожу к характеристике отдельных подсудимых, и раньше всего к характеристике подсудимого Топильского.

В своих объяснениях Топильский пытался дать собственный портрет, что, однако, ему решительно не удалось. Он здесь хотел нас убедить, что к этому ответственному и тяжелому делу борьбы с засухой в Поволжье и с голодом он подошел совершенно бескорыстно. Вы помните, товарищи судьи, как он говорил об этой бескорыстности: «Когда я увидел, – сказал он, – какая масса препятствий стоит на моем

пути, тогда я загорелся желанием победить все эти препятствия. Позигун говорил, чтобы я не боролся, что ничего не выйдет, а я говорю: сделаю это, преодолею эти препятствия, налажу, нужно победить, потому что это нужно республике, крестьянству». Топильский говорил с дрожью в голосе, со слезой, так что можно было бы, при отсутствии достаточного опыта, впасть в ошибку и поверить в его искренность. Эта задача ему плохо удалась.

Я бы хотел обратить ваше внимание, товарищи судьи, не на слова, не на саморекламу, хотя и с этой стороны наш следственный материал отличается достаточной убедительностью. Вспомним хотя бы показания Ляшока, который говорил о том, что Топильский работал исключительно во имя личных интересов. Топильский – подлинный эсеровский кооператор, со всеми присущими этой категории людей привычками и особенностями. Топильский нашел «безработного» Зверева и приспособил его для исполнения «особых поручений». Зверева Топильский приспособил для скупки... английских фунтов и вообще золота. Потом он поручил ему найти квартиру. Вместо квартиры Зверев нашел целый дом, да не один, а два. При помощи этого же Зверева Топильский нашел имение Клусово, бывшее Сипягино. Через Зверева покупаются и продаются шедевры живописи, картины лучших мастеров искусства.

Характерно, что, рассказывая об этих операциях, Топильский и тут стал в позу, заявив, что он покупал картины толь-

ко из любви к искусству, что эта страсть к искусству и погубила его.

Но пришел час допроса Зверева, этого прозаика, а не романтика, какого здесь разыгрывал Топильский, и одним словом Зверев разбил весь романтизм Топильского. Оказывается, покупая картины, Топильский звал экспертов, выяснял ценность каждой картины не с точки зрения художественных достоинств этого произведения, а лишь с точки зрения ее стоимости. Топильский действовал как скупщик ценностей, а не как ценитель искусства, как любитель живописи, останавливающийся в изумлении перед полотном неизвестного, быть может, живописца, проникающего в самую душу и сердце, захватывающего красотой красок и великолепием творческой кисти. Нет, Топильский действовал не так. Ему не важно было, как сильно и прекрасно блещет на полотне кисть неизвестного художника, ему важно было, сколько стоит эта картина и за сколько эту картину можно потом продать.

Топильский действовал не как меценат, а как настоящий маклак.

Подсудимый Зверев говорил про Топильского: «Он вообще поставил себе задачу свои деньги превратить в реальные ценности, в картины, в фунты стерлингов». На сколько же он этих картин купил? На 75 тысяч рублей золотом, и создал себе таким образом действительно реальные ценности.

Но это не единственная страсть Топильского – дома, кар-

тины, золото; есть еще и лошади. И было бы странно, конечно, быть в секции по «спасению» животноводства и не загореться страстью к лошадям. В этом отношении Топильский не отстал от Теплова, Ширяева, Рождественского. Топильский посылает Рождественского в Симбирск со специальной задачей купить 7–8 лошадей. Появляются «Кристалл», «Ушла», «Кривак», «Потоп» и еще другие. На какие деньги покупались эти лошади? Топильский говорит – на собственные. Мы не знаем происхождения этих «собственных» денег. На предварительном следствии Топильский сказал, что эти деньги, 3 тысячи фунтов стерлингов, привезены им из-за границы. Но он вскоре сдал свои позиции. Живым опровержением этой его версии оказался Зверев, показавший, что он, Зверев, покупал для Топильского фунты стерлингов и что, таким образом, Топильский никаких фунтов стерлингов из-за границы не привозил.

Мы не знаем сейчас, откуда Топильский брал деньги, чтобы покупать в Симбирске лошадей, но мы зато знаем, что нам рассказывали об операциях Топильского, с одной стороны, Рождественский, а с другой – Теплов. Рождественский приехал и заявил Теплову, что нужно купить лошадей, и притом лучших лошадей, а когда Теплов возражал, что у них нет на это средств, Рождественский сказал: «Покупай, в Москве разочтемся», а потом оказалось, что закупка была произведена на казенные деньги. Если бы даже эта закупка была произведена и не на казенные деньги, а на так называ-

емые «собственные» деньги Топильского, то нет основания сомневаться в том, что эти «собственные» деньги – тоже казенные деньги.

Товарищи судьи, очень характерно показание человека, о котором здесь Топильский дал прекрасный отзыв, – это показание Чиглинцева. Топильский сказал, что это – благороднейший человек, который ни одного слова неправды сказать не может. Я готов поверить подсудимому Топильскому и с таким же доверием отнестись к показаниям Чиглинцева, как и он. А для того, чтобы личность Топильского, этого нового «приобретателя», этого нового Чичикова, показать вам в наиболее ярком свете, я бы хотел огласить несколько строк из показаний этого благороднейшего, по отзывам Топильского, человека и его друга – Чиглинцева.

Вот что говорит Чиглинцев: «Топильский очень часто передавал мне на время большие денежные суммы. Был случай, когда он мне передал около трех миллиардов рублей, приблизительно в феврале месяце, и в последнее время, до ареста Топильского, было передано до 150 млн. рублей. Звереву по распоряжению Топильского, мною неоднократно передавались большие денежные суммы, около десяти раз: раз около двух миллиардов и несколько раз более мелкие суммы. Воробьеву также давал денежные суммы несколько раз, до одного миллиарда рублей. И еще Топильский мне давал около трех фунтов и 1600 руб. золотыми монетами царской чеканки». И Чиглинцев добавляет: «Из этого золота часть бы-

ла передана Звереву... Затем были монеты золотые и серебряные, которые лежали в сарае в мешках под прилавком».

Вот что говорит Чиглинцев, этот «благороднейший человек», один из этих «спасителей» отечества: идут спасать голодающих, а у самих в сарае, под прилавком, мешочки какие-то, не то с золотыми, не то с серебряными деньгами...

Характерен состав посредников, которые окружили Топильского. У Топильского был счастливый шурин Воробьев, счастливый потому, что он был шурин Топильского. Этот шурин имел лошадь «Киенчем», которая, как и «Психея», принадлежала Топильскому. Как она попала от Воробьева к Топильскому? Оказывается, Воробьев получил эту лошадь из Семеновской артели, а Семеновская артель откуда получила? Из Очаковской. А Очаковская откуда? Из Ново-Буяновского завода. А завод этот – государственный. А лошадь чья? Топильский говорит: «Моя, подаренная мне Воробьевым». Интересная система с государственного завода на один хуторочек, с одного хуторочка на другой хуторочек; оттуда к шурина, а от шурина к себе. Вот одна из иллюстраций «работы» Топильского.

Я не буду отнимать у суда времени перечислением всех подобных фактов. Достаточно этой иллюстрации, которая вместе с показаниями Чиглинцева, мне кажется, полностью разоблачает Топильского. Я убежденно говорю о Топильском как о человеке, который пошел в секцию по спасению животноводства не для того, чтобы спасти животноводство,

а для того, чтобы обдѣлывать свои личные делишки, чтобы склевать то, что попадало под его клюв в это тяжелое время.

Мы не можем, конечно, забыть историю закупки лошадей для Главсахара. Главсахар дал за этих лошадей 100 пудов сахара. В это время Теплов телеграфирует из Симбирска: дайте денег. И здесь, на суде, выяснилось, что действительно была острая нужда в деньгах.

Теплов даже признал, что если бы денежные средства были своевременно ему присланы, он несомненно больше сделал бы для спасения скота в Поволжье, чем он сделал на самом деле. Казалось бы, чего проще: деньги, вырученные за сахар, перевести на заготовку фуража и бросить фураж, куда нужно. Может быть, это и было бы выгодно для дела, но не выгодно для Топильских. И вот сахар обменивается на мануфактуру, а мануфактура продается в течение полутора месяцев, время уходит, да и комбинация в конце концов оказывается невыгодной для государства, зато очень выгодной для тех, кто эту комбинацию проводил.

Допрошенные здесь Тимашкевич и Топильский дали по этому поводу одинаковые показания, утверждая, что замысел был таков: мануфактуру, которая должна была быть проданной за 18,5 млрд. рублей, провести по отчету проданной лишь за 14 млрд., а 4,5 млрд. обратить в свою пользу.

Вот эта мануфактурная эпопея, как нам здесь доказывали это с книгами в руках. Мануфактура эта была продана за 11 600 млн. рублей.

Тимашкевич заработал солидно, ибо он мимоходом и нечаянным образом задержал в своих карманах 29 ящиков ниток, которые стоили 2 млрд. рублей, – в те времена эта сумма была достаточная. Топильский получил без расписки, а Зверев не провел по книгам 1800 млн. руб. наличными деньгами – сумма тогда тоже большая – и товаром на 4 млрд. руб. Топильский сам утверждает, что у «Оптовика» он взял 6–6,5 млрд. руб. Он сам помог вам разгадать, как исчисляются эти 6,5 млрд. руб., рассказав, что в счет этих 6,5 млрд. руб. он получил 2000 аршин по 2 млн. за аршин. Но вместе с тем он утверждал, что дал 4 млрд., а Зверев утверждал, что он получил 1800 млн. Тут маленькое расхождение с другими показаниями. Но Кузнецов помог установить истину: оказалось, что Тимашкевич прикарманил тайком от Топильского, а Топильский утаил от Тимашкевича, что он сам забрал 2,5 млрд. руб.

История с мануфактурой совершенно ясна. Мануфактура была сдана «Оптовiku». Но что это за «Оптовик»? Этот «Оптовик» состоял из четырех лиц: полумертвого старика Михайлова, Зверева, состоявшего на побегушках у Топильского, Воробьева шурина Топильского и четвертого человека – Стрижева, который исполнял обязанность бухгалтера, хотя при допросе Зверев сказал, что бухгалтерии никакой там не было. Вот и все это «общество».

Как работал этот «Оптовик»? Работал «Оптовик» на мануфактуре, которую дал ему Топильский. Вполне понятно,

что Топильский должен был что-то за это получить, и ему действительно была отчислена некая сумма. Это нашло отражение и в их книгах, хотя эти книги – филькина грамота. Сам Зверев признал, что хотя эти книги не были составлены за один присест, но они были переписаны за один присест. Переписывались книги в спешке, вследствие чего переписчики забыли на левой стороне написать «11 марта 1923 г.», и оказалось, что на левой стороне заприходована мануфактура в апреле, а на правой – продана мануфактура в марте. Если допустить, что в этой филькиной грамоте отразилась до некоторой степени правда, коммерческая истина, и эти две тысячи аршин Топильского вошли в счета на 11 600 млн., то все-таки 1800 млн. остаются тем подарком который преподнес этот «Оптовик» инициатору и, так сказать; вдохновителю своему, своей главной опоре и кормильцу своему, тому же самому Топильскому.

Я знаю, что защита может мне возразить: «Странное положение, – вы говорите, что «Оптовик» это – Топильский, а, с другой стороны, обвиняете Топильского в получении взятки, а Зверева в том, что он, как ответственное лицо, дал Топильскому взятку, выходит, что Топильский дал сам себе взятку».

В действительности тут противоречия нет. Зверев «работал» на деньги и товаром Топильского и из своей доли отрывал кусочек Топильскому, чтобы Топильский и впредь давал ему возможность так «работать». Это, конечно, не взятка в

формально-юридическом смысле этого слова, и я во взяточничестве Топильского и не обвиняю, но это один из элементов того метода обогащения, которым Топильский владел в достаточной степени. Таким образом, ко всем художествам, о которых я уже говорил, добавляется и это «художество» с мануфактурой.

Но вот еще новый момент в деятельности Топильского: это договор с латвийской фирмой Спаде. Топильский признал на предварительном следствии получение с фирмы Спаде 2 млрд. руб. в виде взятки. Сейчас Топильский пробует изменить свои показания, заявляя, что это выдуманно, что денег от Спаде он не получал и что фирме Спаде давать взятку было не за что. Действительно ли не за что было давать взятки? Топильский сослался между прочим и на то, что договор с фирмой Спаде, по отзыву генерального латвийского консула, оказывался даже убыточным для фирмы Спаде, о чем генеральный консул Латвии счел нужным предупредить, так как цены, выставленные фирмой Спаде, якобы ставят под сомнение, сможет ли эта фирма выполнить договор. Я тоже сначала подумал: что за предупредительность такая латвийского консула по отношению к секции по спасению животноводства? Но, перелистав две странички того тома, в котором находится это отношение, я понял секрет этой предупредительности.

В самом деле, рожь и ячмень были закуплены у этой же фирмы Спаде в Латвии по 420 руб. и по 180 руб., в то время

как на рынке стояла цена по 700 руб. за пуд. Но уже через шесть дней – договор был заключен 10 февраля – 16 февраля – фирма Спаде ввиду изменившейся рыночной конъюнктуры повысила эти цены в 3–5 раз. Оказывается, что низкие цены были своего рода приманкой; Спаде нужно было лишь заключить договор, хотя бы по заведомо убыточным ценам, а там можно и пожить... И вот этакий-то договор и подписал Топильский, и за подписание такого вот договора он и получил взятку. По этому вопросу мы имеем показания Минкина, данные им на предварительном следствии, где Минкин приподнял краешек этой стыдливой завесы и признал, что РКИ приостановила утверждение этого договора, требуя изменений, гарантирующих защиту интересов секции по спасению животноводства. А Топильский самолично подписал этот самый договор.

Ясно, конечно, что за эту самоличную подпись можно было заплатить 2 млрд. руб., тем более, что в обеспечение падающей валюты, которой мы расплачивались с этой фирмой, от всех поступающих грузов из Латвии отчислялось 15 % натурой. Топильский в полной мере защитил интересы фирмы за счет интересов нашего государства. Я полагаю, таким образом, что этот момент является также совершенно установленным и кладущим лишнюю гирю тяжести на чашу обвинения Топильского.

Топильский в своей деятельности характерен еще с одной стороны – как специалист по подлогам, которые нельзя оста-

вить неотмеченными. Каждый шаг, который он делает, он делает, обязательно учиняя какой-нибудь подлог, какое-нибудь надувательство. Он учиняет подлог в сделке с Шестаковым, давая ему фиктивную расписку на продажу будто бы за один миллион рублей лошади «Киенчем», на самом же деле он ее не продал, а оставил за собой. Он совершает подлог с Лаврухинским овсом на 800 млн. руб., он вручает Лаврухину подложную расписку, которую Лаврухин хотел приобщить и приобщил к делу, пока не разразилась гроза.

Топильский приобретал дома на имя Зверева по фиктивным запродажным, пользуясь при этом юридической помощью Торсуева, комиссионерскими услугами Зверева и, может быть, нуждой Михайлова. Наконец, у него фиктивно бегают на Московском ипподроме лошади, т. е. бегают самым реальным образом самые реальные лошади, – но опять-таки от имени подставных лиц, хотя эти лошади и принадлежат Топильскому.

Система Топильского – система подлогов, какая-то фантастическая система лжи и коварства. Что ни шаг, то рискуешь запутаться в этой страшной предательской паутине. Топильский всем руководил, все подчинял своему влиянию, но работой не интересовался и думал только о своей личной выгоде. Вот что говорил о нем Минкин: «Я писал, взывал к практической работе, – все-таки работа в секции не шла. Мой труд, видимо, в секции не ценился, мои предложения выслушивались, приказы читались, но не исполнялись».

И это верно. Мы знаем, что там вообще приказы не исполнялись. Там царило ликвидаторское настроение. Минкин говорит: «Я неоднократно говорил ему, что мы должны быть сплочены в работе, но Позигун соглашался и со мной и с Топильским. И, наконец, я стал себя чувствовать чужим в секции. Большинство работников сплотилось вокруг Топильского. С Поволжья раздавались бесконечные крики и мольбы: дайте лошадей! Весенняя кампания была в разгаре, и я настаивал на продолжении кампании, на продолжении работы, но секционных работников обуревало ликвидаторское настроение, и секция была ликвидирована»... Вы видите, что Топильский является здесь центральной фигурой: все около него, он руководит всем решительно. Он начал руководить и повел работу тогда, когда еще хотел работать, когда он еще не осуществил всех своих замыслов, когда был увлечен этими замыслами. Но вот он почувствовал, что его замыслы будут разбиты, и он опустил руки и все опустили руки, и секция была ликвидирована.

В секции, которая держалась главным образом на плечах Топильского, процветала, помимо всех тех безобразий, о которых я здесь говорил, еще и безотчетность. Вам говорили здесь в течение всего процесса: такой-то представил отчет, такой-то представил отчет. Вам даже указали на то, что если отчеты эти оказались не принятыми, не просмотренными, то это, в сущности говоря, не по вине уполномоченных, не по вине тех, кто представлял эти отчеты.

Это, конечно, совершенно необоснованная отговорка, и для того, чтобы показать это, я приведу одну лишь маленькую справку; Лаврухин здесь показывал, что он 1 февраля представил свой отчет, который ему вернули 9 мая, а 1 июня он был арестован. Срок, конечно, достаточный для того, чтобы добиться приведения отчетов в необходимую ясность, чтобы не нужно было их возвращать еще раз для всяких исправлений. Однако он не сделал этого и с 9 мая до 1 июня не позаботился о том, чтобы эти отчеты привести в порядок. Когда я буду говорить о Лаврухине, я скажу специально об этом отчете, скажу, чем он порочен и чем порочна та «выборка», которую он представил суду.

Я сейчас указываю на этот момент лишь для того, чтобы показать, что уполномоченные не считали себя особенно ответственными за эти отчеты. Ответственность за эти безответственные действия я возлагаю целиком на лиц, возглавляющих секцию, и, в первую очередь, на Позигуна, особенно имея в виду, что он коммунист.

В самом деле, вы посмотрите, какой получается порядок вещей. 18 февраля заседание президиума ЦК помощи голодающим. Доклад Минкина утверждает Позигун, а не Топильский. Пусть так. Президиум ЦК Помгола признает цифровой материал по эвакуации племенного скота неудовлетворительным. Ясно и четко. Это было 18 февраля, товарищи судьи. Топильский подтвердил, что в декабре работа была уже свернута и, следовательно, был достаточный срок для

того, чтобы с момента сворачивания работы, в конце декабря, до 18 февраля позаботиться об этих отчетах. – Ведь Позигун прибегал даже к таким мерам воздействия, как истребование Лаврухина и других уполномоченных чуть ли не по этапу. Лаврухину было приказано явиться, иначе он будет доставлен в административном порядке. Приехал Лаврухин. Что вы сделали с ним, Позигун? Вы приняли его отчеты, вы приняли меры к тому, чтобы Лаврухин, так скоропалительно бросивший свою работу, свою большую и важную работу, вернулся к ней как можно скорей, вы поинтересовались тем, чтобы он сдал отчеты? Нет, вы ограничились резолюцией о проверке, а об исполнении никто и не думает. Представить отчеты в недельный срок требует ЦК Помгола, требует государство, отпустившее 132 млрд руб., собранных из отчислений по фабрикам и заводам, по волостям и деревушкам, по казармам и лагерям красноармейцев. А вы позаботились о том, чтобы эти 132 млрд. руб. были учтены, – я уже не говорю по копейке, а хотя бы по миллиону?

И вот 31 марта издается приказ № 7. Я особенно обращаю ваше внимание, товарищи судьи, на эти даты: 18 февраля требуется представить отчет в недельный срок, а приказ № 7 появляется 31 марта. В этом приказе из трех пунктов предлагается всем уполномоченным представить отчеты, под руководством Топильского обработать и представить в бухгалтерию Цузема. Обрадовались все подсудимые и кричат (и Топильский больше всех): вот бухгалтерия Цузема, вот боло-

то, вот тряси́на. Но была ли эта бухгалтерия действительно «тряси́ной»? Это не доказано, это не установлено.

На суде Топильский пытался в этом вопросе славировать, заявив, что по приказу № 7 нужно было составить статистический отчет, а не бухгалтерский. Но я предъявил Топильскому этот приказ и доказал, что он говорил именно о бухгалтерском отчете. Я теперь спрашиваю руководителей секции: если отчетов нет (а их нет, ибо даже те, которые есть, неудовлетворительны, так как в тепловском отчете трех миллиардов все-таки не хватает), то должны ли вы отвечать за это? И если лаврухинского отчета мы не видим, и если ширяевского отчета мы не видим, то мы смело можем поставить вопрос об ответственности руководителей секции, которые безответственно действовали, которые, вопреки постановлению президиума ЦК от 18 февраля, вопреки своему собственному распоряжению от 31 марта, не позаботились о том, чтобы эти отчеты в конце концов были представлены.

А вот 25 апреля в заседании ЦК Помгола с участием Рескина, Топильского и Позигуна подвели итоги этой работы и, между прочим, констатировали, что полностью отчетов уполномоченные не представили. 25 апреля опять нет отчетов, но интересна маленькая ремарка к этому протоколу, в которой говорится, что члены этой секции деятельно участвовали в заседании. Они деятельно участвовали в заседании!

Вот почему, товарищи судьи, при этой системе взяточничества, подлогов, хищений, расточительства, безотчетности

через некоторое время ЦК Помгола убедился, что с этим гнилым аппаратом нельзя выполнить задания по вывозке и эвакуации 40 тысяч голов скота, и пришлось сократить эту цифру до 11 тысяч, а из 11 тысяч пришлось выполнить едва пять с лишним тысяч, около шести. Отчет ревизующих органов констатирует, что весь план работы по спасению скота был, таким образом, выполнен лишь на 14 %, а вывозка этого скота была выполнена силами секции по спасению животноводства лишь на 9,7 %. Эту цифру, правда, оспаривает Топильский, говоря о 18 % и даже о 38 %, если учесть кооперацию и всякие другие организации, вывозившие скот. Но этот же отчет ревизующих органов говорит, что содействие, которое оказывала секция по спасению животноводства, выразалось главным образом, если не исключительно, в предоставлении транспортных средств, т. е. давались бумажки в НКПС на получение вагонов.

Во всяком случае план вывоза в 40 тысяч голов свелся к 5,5 тысячам, т. е. к 12–13 %, а деньги, отпущенные первоначально, были все израсходованы, все 132 млрд. руб. Какова была система работы, видно хотя бы из того, товарищи судьи, что ведь тогда, когда Теплов, например, кричал, что у него нет денег, деньги были. В то же время ему приказывали – если это верно – производить ненужные закупки. Позигун утверждает, что Теплов по собственной инициативе закупил валенки и дамские ботинки, назвав их из стыдливости «крестьянскими». Вместо фуража закупали... валенки и дамские

ботинки! Это общая система работы этой самой секции, где засели люди бесхозяйственные, люди корыстные. Во главе этих людей стоял Топильский, который в отношении корысти побил рекорд. Я утверждаю, что обвинение, предъявленное по обвинительному заключению Топильскому, предъявлено совершенно правильно. Это преступление предусмотрено ст. 188, говорящей о мошенничестве. В действиях Топильского я усматриваю и наличие ст. 113 – присвоение, ибо лошади, которые закупались им, закупались на государственные средства, на кровные рабоче-крестьянские деньги. Тут есть и ст. 114, ибо система взяточничества входит в ст. 114, и достаточно одной операции с «Оптовиком», чтобы признать правильным предъявление этой статьи, и, наконец, тут налицо и ст. 110 УК.

Товарищи судьи, за те преступления, которые совершил Топильский против республики, в законе назначено самое суровое наказание. Топильский хотел предвосхитить события. Свой приговор над собой он сам произнес, он сам хотел и привести его в исполнение. Ему это не удалось. Теперь он предстал перед судом, и во имя блага республики я требую для него высшей меры наказания. Пусть справедливый приговор свершится...

Один из помощников Топильского – Рождественский, заместитель начальника конфонда, человек, про которого один из его товарищей сказал: «Это он зажулил «Арагву». Это удачно сказано. В этих словах дана полная характери-

стика Рождественского. Человек, зажуливший лошадь даже у своего товарища, — чего ожидать от него? Вот этот Рождественский тоже приехал в Симбирск «спасать животноводство». Как показывает Теплов и как показывал здесь сам Рождественский, он все время тратил на разъезды по Симбирской губернии с целью отыскать лучших лошадей. И нужно отдать должное его опытности и настойчивости. Он нашел «Арагву», которую здесь на суде люди, достаточно знающие толк в лошадях, признавали редкостной лошадью, которая, правда, в провинции была замухрышкой, но, появившись в Москве, сразу развернулась и сделала блестящую карьеру. «Арагва» действительно оказалась лошадью замечательной. Поэтому-то она и оказалась в руках у Рождественского. Конечно, было бы более законно, если бы она очутилась в руках у государства. Существует декрет от 22 июля 1921 года, обязывающий такой племенной материал, в особенности такой редкостный, как «Арагва», передавать в распоряжение государства.

Интересно еще и то обстоятельство, что Рождественский приехал в Симбирск покупать лошадей по поручению и прямому указанию Топильского и должен был получить, хотя эта сделка производилась за счет государства, от этой операции 10 % комиссионных, как это он сам показывал на предварительном следствии. Этот самый Рождественский, как вы помните, учинил шантаж с лошадьми, пришедшими из Симбирска, вписав их в казенную ведомость как якобы запро-

данных государству, а затем при помощи подлога, учиненного Тепловым по наущению Рождественского, этих лошадей присвоил. Рождественский так нам рассказывал: «Я объяснил Чербакову и Кратко, как нужно сделать, чтобы получить этих лошадей». Он их научил. Они это выполнили. И в конце концов лошади оказались у того же самого Рождественского, у Теплова, в знаменитом совхозе «Селект».

Я должен еще напомнить суду, что когда Позигун разрешил выдать лошадей частным владельцам и привезти их с казенным эшелоном, он поставил условием оплату фуража и расходов с тем, чтобы эти лошади были переданы в распоряжение секции. В действительности, они оказались переданными не в секцию, а. забраны работниками секции. «Арагва» оказалась у Рождественского вместе с «Кралей», «Крепышом» и «Потопом», которые попали потом в «Селект».

Суд убедился из имеющихся в деле документов, что эти лошади были отпущены на время в «Селект». И вот Рождественский пригрозил, накричал, нашумел, выдал этих лошадей владельцам, научил их составить задним числом соответствующие оправдательные документы и лучших из этих лошадей получил обратно в свое распоряжение. Результатом он, конечно, был очень доволен.

Я обращаю ваше внимание, товарищи судьи, на то, что Рождественский, который занимал такую ответственную должность, как должность заместителя начальника конфонда в Гуконе, сам себя здесь не постеснялся охарактеризо-

вать как барышника, употребив именно это самое выражение. Не могу не обратить вашего внимания еще на одно обстоятельство. Давая объяснения о способах приобретения этой «Арагвы», Рождественский признал, что он купил ее за 250 млн. руб., и на вопрос, откуда же он взял для этого деньги, в то время как он получал только 35 млн. руб. жалованья в месяц и, следовательно, должен был потратить семимесячное свое жалованье на эту операцию, он легко нашел ответ, который находят все преступники. Он сказал, что истратил на эту лошадь средства... своей жены. Средства жены мы, к сожалению, учесть не имели возможности, и на это-то и рассчитывал Рождественский.

Я должен также напомнить вам, характеризуя Рождественского, и инцидент с Бендером и Сушкиным. Нельзя забыть об этой «мелочи». Это, конечно, мелочь, но чрезвычайно колоритная, и если бы ее не было, то, пожалуй, портрет Рождественского кое-что потерял бы в своей красочности.

В самом деле, люди хотят купить лошадей для своих учреждений; им дается наряд на Тверь, даже не на губернию, а на город Тверь, где лошадей купить нельзя. Конечно, это полнейшее издевательство, если бы можно было думать, что Рождественский занимался издевательством. Но Рождественский прекрасный мастер своего дела. Он знает, что делает. Сначала он тормозит покупку лошадей, потом получает «смазку», и дело благополучно завершается. Правда, государственные интересы страдают, но преступная цель осу-

ществляется, и человек, дающий «смазку», радуется и говорит, как Бендер: «Слава богу!».

Идиллическая картина. Рождественский дает наряд на Тверь, где достать лошадей нельзя, и не дает наряда на Самарскую губернию, где можно купить лошадей. Получив «смазку», Рождественский меняет фронт и, действуя через таких людей, как Рунов, который говорит, что все можно, что кушать все хотят, делает так, как ему кажется выгодным и удобным. Вот каков этот Рождественский, заместитель начальника конфона.

Но он не только, так сказать, не совсем в чистой воде плавающая рыба. Он, как рыба, ищет, где глубже, и вот тут-то и начинается история с Юго-восточным обществом. Ведь у него на квартире собираются по дороге откуда-то куда-то Позигун, Топильский и Теплов. Эта тройка вместе с Рождественским обмозговывает, как облагодетельствовать нашу страну учреждением Юго-восточного сельскохозяйственного акционерного общества. Начинается дело с подлогов, и здесь Рождественский играет не последнюю роль. Формы подлогов, конечно, выдумываются самые разнообразные, смотря по обстоятельствам. Когда нужно было отправить из Симбирска лошадей, Рождественский предложил написать удостоверение, что они отправляются в Москву для работы, хотя он знал, что они направляются не на работу, но нужно было солгать в документе, чтобы придать этой операции больше законности. Когда были привезены из Симбирска

лошади и когда контрагенты, как рассказывает нам Теплов, убедились, что лошади предназначены не секции, а частному лицу, они заломили большие цены. Рождественский не хотел покупать по большой цене, и тут, среди бела дня, произошел беззастенчивый торг, в результате, которого Рождественский уступил, сойдясь, в частности, на 200 млн. руб. за «Арагу».

Плодотворная деятельность Рождественского вся здесь перед вами. Вам предстоит задача оценить эти его заслуги. По той роли, которую он играл в этом преступном деле, к нему применимы ст. 110, ч. 2 ст. 113 и ст. 114 УК. Если вы оцените общую роль его в секции как лица сравнительно небольшого, не «души» дела, а одного из подручных, вы должны будете определить ему менее строгое наказание, чем, например, Топильскому, и ограничиться срочным лишением свободы.

Переходя к подсудимому Тимашкевичу, я должен сказать, что та система отношений, которая создалась в недрах секции спасения животноводства, не случайна и что не случайной является деятельность уполномоченного Тимашкевича. Уполномоченному Тимашкевичу тоже было дано чрезвычайно ответственное задание по заготовке фуража для голодающего в Поволжье скота.

Как же он справился с этим заданием? Он больше занимался коммерцией, а не фуражом, причем система его коммерческой деятельности сводилась к тому, что он аккуратно

отчислял в свою пользу 10 % с оборачивающихся в его руках товаров. Это очень хорошо было показано на тех операциях, которые он проделывал с мануфактурой. Мануфактурная эпопея была очень проста. Нужно было сахар обменять на мануфактуру, и Позигун совершил эту операцию, а Тимашкевич извлек из этого для себя немалую выгоду. Сахар менялся на мануфактуру таким образом, что за каждый фунт сахара получалось два аршина мануфактуры. Он не забыл себя и прибавил по пол-аршина «в свою пользу». Здесь, на судебном следствии, он пытался доказать, что выражение «в свою пользу» – это не значит «себе», в свою личную пользу, что он понимал это шире, и все-таки он должен был признать очевидность того, что то, что он получал, он получал в свою личную пользу. Эти пол-аршина он получил в виде 29 ящиков ниток, которые продал «Оптовику» как ему лично принадлежащие и получил за них два миллиарда рублей, которые и положил благополучно себе в карман. Таким образом поларшина мануфактуры на каждый фунт сахара он превратил в деньги; он присвоил эти деньги, хотя эти деньги должны были пойти в секцию уже потому, что ему никто не разрешал эти пол-аршина удерживать в свою пользу. Тимашкевич объяснял, что по существу он имел право претендовать на эти два миллиарда в качестве организационных, в качестве 10 %, но это не соответствует действительности, потому что эти организационные ему не полагались. На каком основании он считал себя вправе получать 10 % с этого оборота,

где та инстанция, которая говорит о таком его праве? Только за эту мошенническую операцию обвиняемый Тимашкевич достоин расстрела...

Тимашкевич, однако, на этом мошенничестве не успокаивается. Это не одно его преступление, которое он совершает. Это только одно из звеньев в цепи совершенных им преступлений. В самом деле, вспомните его отношение к этому самому «Оптовiku». Какова роль Тимашкевича, уполномоченного по заготовке фуража от секции по, спасению животноводства, в отношении «Оптовика»? Чем занимался обвиняемый Тимашкевич: заготовкой фуража или обдиранием этого самого «Оптовика»? В значительной и большей степени он занимался тем, что в последнее время все свое внимание сосредоточил на том, чтобы урвать из товарных сумм возможно больше в свою пользу. Он не только залезает в карман к своим же друзьям, например, к Топильскому, у которого он вынул из кармана эти два миллиарда, он беззастенчивым образом среди бела дня запустил свои руки и в государственную кассу.

Купить, продать, дать взятку, получить взятку – вот на чем строятся его отношения с Топильским и с «Оптовиком». Он получает от Топильского, по собственным словам последнего, три миллиарда рублей за то, что он позволяет хищничать Топильскому. Таким образом, Тимашкевич не только хищник, он, если позволено будет так выразиться, и организатор этих хищнических махинаций, организатор этой хищни-

ческой деятельности. Он здесь выступает, однако, не только в качестве уполномоченного по мануфактуре, но и уполномоченного по фуражу. Но что он сделал как заготовщик фуража, а главное и больше всего – как истративший на фураж огромные государственные средства? Ему было отпущено такое-то количество миллиардов, он представил отчет на 12,6 миллиарда. По его собственным словам, этот отчет был утвержден только на 8,6 миллиарда, а на всю остальную сумму он не был утвержден и не мог быть утвержден.

Правда, в этом отношении можно, приводя другие цифры, вести некоторый спор. На листе 85 тома VIII дела содержится более благоприятная для обвиняемого Тимашкевича картина по его отчетности. Но все же за Тимашкевичем остается в конечном итоге два миллиарда, которые никуда не денешь. Как он здесь ни считал, он все же ничего в свою пользу «высчитать» не смог, несмотря на то, что он включал в свои расчеты даже такие ничем не подтвержденные расходы, как выплату обвиняемому Ляшоку 450 млн. руб., потом еще какие-то 350 млн. руб., какой-то расход по сему в 35 млн. руб. и, наконец, 10 % организационных, а всего 800 млн. руб. И все же при всех этих, принятых на веру, его цифрах остаются 1381 млн. руб. непокрытыми. Можно было бы проверить расчет еще с карандашом в руках. Опыт показал, что ничего не изменится, так как у Тимашкевича документальных подтверждений его объяснений нет, и взять их неоткуда. Но я готов принять цифру, которую называет обвиняемый

Тимашкевич, и все-таки за ним остаются 1381 млн. руб. государственных средств, остаются растраченными, расточенными, и это одно дает основание для квалификации его преступления по ч. 2 ст. 113 и по ст. 110, говорящих о растрате и расточении государственных средств.

Преступления обвиняемого Тимашкевича разоблачены и полностью доказаны. Я должен, однако, обратить ваше внимание, товарищи судьи, на то, что Тимашкевич до последней минуты делает вид, что не понимает того, что он делает. Человеку было много дано и с него должно быть много взыскано. Вот почему, говоря об обвиняемом Тимашкевиче, квалифицируя совершенное им преступление и указывая наказание, которое ему должно быть вынесено судом, я считаю себя вправе говорить о высшей мере наказания.

Перехожу к другому обвиняемому, к уполномоченному Ширяеву П. А. В сущности говоря, те преступления, которые совершены обвиняемым Ширяевым, не представляют собой ничего особенно индивидуального, если не считать его операции с сеном. И вот на этом вопросе нужно остановиться наиболее серьезно и внимательно. Ширяев является чрезвычайным уполномоченным по всей Саратовской губернии. Ширяев имеет помощников, которые ведут заготовку сена и скота. Одним из таких помощников Ширяева является Лукьяненко, другим помощником является его родной брат. Та операция, которая была проделана им по заготовке фуража с Вогуленко, как здесь подтверждал последний, для него бы-

ла операцией не с Ширяевым, а с Лукьяненко. И это вполне естественно, ибо Вогуленко, который выбивался из сил, чтобы заготовить, погрузить, подвезти к железной дороге сено, не до того было, чтобы выяснять, кто является ответственным лицом по этому делу. Он непосредственно сталкивается с Лукьяненко, и у него такое представление, что Лукьяненко и ответственен за эту операцию. Впрочем, несмотря на то, что у него создалось такое впечатление на предварительном следствии, он говорил о том, что вся операция проводится Ширяевым, что комиссия есть» комиссия Ширяева, что компания, которая работает, это есть компания Ширяева, и более того, он прямо называл уполномоченного Ширяева. На предварительном следствии, я смею утверждать, он совершенно точно говорил об этом уполномоченном Ширяеве и изливал всю силу своего возмущения за проделку, которую учинил по отношению к нему вот этот «чрезвычайный» уполномоченный, спасавший на Волге голодающий скот. Его показания на предварительном следствии не оставляют в этом отношении никакого сомнения. Я полагаю, что только чувство тюремной солидарности могло заставить Вогуленко изменить свои показания. И я все-таки должен сказать, что все доверие должно быть отдано именно его показаниям на предварительном следствии, а не тем, которые явились следствием естественной связи между всеми подсудимыми благодаря их общей судьбе, приведшей их в зал судебного заседания.

Какие данные, кроме показаний Вогуленко, имеются для того, чтобы считать ответственным за эту операцию именно Ширяева? Я обращаю ваше внимание на показания Михайлова, которому Вогуленко говорил, что, получив 28 тысяч руб. с пуда, он, к сожалению, для себя мог оставить только 18 тысяч, а 10 тысяч или 11 тысяч руб. он должен был отдать уполномоченному Ширяеву и Лукьяненко. Михайлов это показал на предварительном следствии со слов Вогуленко. Вогуленко к этому отнесся сейчас так, как он мог отнестись, сидя на скамье подсудимых. Но есть другие данные о Вогуленко, идущие в значительной степени от самого Ширяева П. А., этого бывшего эсера-максималиста.

Я обращаю ваше внимание на то обстоятельство, что Ширяев не отрицает факта, заключающегося в следующем: является к Ширяеву некий Брагин – пусть опороченная впоследствии фигура – и предлагает поставить сено по 15 тысяч руб. за пуд. Ширяев у него это сено не берет, а берет сено у Вогуленко, которому платит якобы по 28 тысяч руб. за пуд. Но Вогуленко показывает, что это сено он, Вогуленко, поставляющий Ширяеву по 28 тысяч руб., сам покупает у того же Брагина по 14 тысяч руб. за пуд. А Ширяев показывает, что он у Брагина не брал сена потому, что Брагин торгует якобы ворованным сеном.

И получается так, что Лукьяненко получает расписку на 28 тысяч руб., но платит 14 тысяч руб., оставляя разницу у себя в кармане. Конечно, Ширяев может сказать, что он об

этих проделках Лукьяненко ничего не знал. Тогда я обращаюсь к листу этой важной ведомости, где значится, что он купил 15 тысяч пудов сена за 420 млн. руб., т. е. по 28 тысяч руб. за пуд. Ширяев, таким образом, выдавал эту ведомость, зная, конечно, что Вогуленко будто бы платится 28 тысячами руб. Но мог ли Ширяев думать, что 28 тысяч руб. действительно стоит пуд, когда ему было известно о цене Брагина по 15 тысяч за пуд? Конечно, при таких условиях Ширяев добросовестно вписывать в ведомость 28 тысяч руб. за сено не мог, ибо если бы мне подали такую ведомость, а между тем мне предлагали неделю тому назад сено за 15 тысяч руб., я бы сказал: позвольте, на каком основании вы покупаете у этого Вогуленко за 28 тысяч руб., когда мне Брагин предлагал по 15 тысяч руб.? Версия о том, что Брагин предлагал якобы краденое сено, отпадает, – ведь тем же самым сеном торгует и Вогуленко.

Получается так, что сам Брагин предлагает сено по 15 тысяч руб. за пуд, а через неделю Ширяев составляет ведомость по 28 тысяч руб. Это отчетливо изобличает Ширяева в совместных проделках с Лукьяненко, о чем на предварительном следствии так и говорил Вогуленко. Он говорил: «Вся эта компания – Лукьяненко и уполномоченные – занимались теми же операциями в отношении ко всем поставщикам этого сена, к Брагину, Обжорину и т. д.». Таким образом, здесь нет оговора. Но не показания Вогуленко, не показания Михайлова, а сама логика фактов говорит против Ширяева, и

против этой логики ничего не поделаешь. Вы слышали сегодня заявление обвиняемого Вогуленко, которому место в Саратовской губернии землю пахать, попавшего во всю эту историю, как кур во щи, вы слышали, как он сказал, что в то время, когда он шел договариваться с Лукьяненко, Ширяевым и прочими эсерами барышнического типа, покупная цена была у поставщиков по 14 тысяч руб. пуд и даже по 8 тысяч и 10 тысяч руб. И можно ли поверить при таких обстоятельствах, что Ширяев в то же самое время честно и добросовестно записывал в своей ведомости по 28 тысяч руб. пуд, когда кругом кричат 8–10–14 тысяч руб. пуд? Может ли при таких условиях Ширяев не знать, что эти 28 тысяч – подлог, фикция? Сегодня обвиняемый Вогуленко сказал: «Цена сена 8–10 тысяч руб., максимум 14 тысяч», а Ширяев подписывает 28 тысяч руб. и говорит: «Я не виноват, я ничего не сделал, я ведомость писал потому, что Лукьяненко так говорил». Но ведь это же курам на смех...

Поэтому я говорю: Ширяев участвовал в этой истории, совершил подлог, расхищал государственное достояние, втягивал в эту преступную аферу Вогуленко и теперь пользуется всеми средствами, чтобы взвалить всю вину на него. Я полагаю, что виновность Ширяева в этом деле с сеном целиком доказана и не потому, что против него есть показания Михайлова или Вогуленко; можно отбросить и показания Михайлова и показания Вогуленко, но вы не можете выбросить из своего сознания того, что цена была в это время от 8 до 14

тысяч руб., а в ведомости значится 28 тысяч руб. Сам Ширяев доказал это, внося в ведомость эту сумму, и это служит лучшей уликой против него.

Защита подняла вопрос о количестве заготовленного фуража. Но это другой вопрос. Кроме того, отчеты были сданы, РКИ проверяет отчеты, видит расписки, ведомости. Но ревизия, сидящая в Москве, не знает, по какой цене действительно там было сено, а может быть, и знает, но скрывает. Но если ревизию проводят такие ревизоры, как Рунов, ювелир, с Тверской улицы, покупающий слитками золото и т. п., то ревизовать можно как угодно и удостоверить, что все обстоит вполне благополучно.

Объяснениям Ширяева поколебать предъявленного ему обвинения не удалось и не удастся.

Возьмем историю с лошадьми. Посмотрите, как невинно разыгрывается это приключение. Он заинтересовался лошадьми, он из своего жалованья по 2 миллиона откладывает на покупку лошади и покупает «Випия» и в конце концов «Аиду», которую потом продает Топильскому. Торгуются даже друг с другом. Это интереснейшая черточка, штришок, характеризующий нравы и подчиненных и начальства. Хороший авторитет должны иметь начальники, если они барышничают со своими подчиненными. Разве это не разложение аппарата, когда уполномоченный Ширяев продает лошадь управляющему делами Топильскому и каждый из них знает, что другой расплачивается за эту лошадь казенными

деньгами?

Ширяев сумел приобрести этих лошадей в первый же месяц поступления на службу. 24 августа он приехал на место, а в сентябре он уже покупает «Аиду» за два миллиона. На мой вопрос: «Сколько вы были вправе удерживать на организационные расходы?» – он ответил: «Два миллиона». – «На какие же деньги вы сразу, не получив жалованья, смогли купить «Аиду»? – «На организационные». – «А на какие же деньги вы жили это время?» – «На казенные деньги». – «Выходит, что вы купили лошадь на казенные деньги, так как для того, чтобы жить, вы взяли казенные деньги?». Припертый к стене Ширяев делает невинные глаза и детски удивленное личико: «Какое же это присвоение казенных денег?» Да, это чистейшее, типичнейшее присвоение казенных денег: 1) никаких «организационных» он не получал, они ему и не причитались, 2) если допустить, что «организационные» Ширяев и получил, то ему их платили для того, чтобы он на них что-то организовал, чтобы он не тратил на личные нужды казенные деньги. Здесь налицо прямые хищения казенных сумм. Воровским образом приобретаются эти «Випий», «Обыденный», «Аида», «Аврора». Так воскрешают в Москве ипподром с его специфическими нравами, где фигурируют новые «коннозаводчики». Тут и Ширяев и другие.

Тут мы видим систематическое, организованное расхищение государственного имущества.

Кто такой Ширяев? Это человек со старыми революцион-

ными традициями, это человек, который не является по своему прошлому обывателем, мелким торговцем, ползающим по обывательской земле жучком. Ведь какими он тут бросался рекомендациями! Он был там, он был здесь, он был членом революционного совета фронта, членом военно-революционного комитета. Да, было, все это было... Высокие когда-то, доблестные должности он занимал. А что он сейчас представляет собой? Я не знаю, я теряюсь в подыскании слова, которое бы не звучало оскорбительно, так как это нам вовсе не нужно. Что он теперь для жизни, что он для нашего строительства, что он для нашей революции? Для революции он мародер в тылу революции, для нашего строительства он взрыватель. Он умер для нашей творческой жизни, он умер для нашего будущего...

Другой уполномоченный – обвиняемый Лаврухин. Подобно Ширяеву, он тоже интересуется сельскохозяйственной культурой, он интересуется организацией Юго-восточного общества. Правда, оно казалось ему мертворожденным детищем, однако он действовал в согласии с директивой, которую, подобно Ширяеву, воспринял от Топильского. Лаврухин переболел той же болезнью, что и Ширяев и другие, – это операция с племенным скотом.

Итак, Лаврухин тоже «горел любовью» к сельскому хозяйству. Подоспевает, как он это называет, затея Топильского, дается задание, и Лаврухин бросается с головой осуществлять его. Что же он делает? Во-первых, он действует строго

формально и на основании распоряжений центра. Он говорит: Вы меня обвиняете в том, что я взял совхоз? Но я хотел это сделать по заданиям центра, взять его для секции. Что же здесь преступного?

Я пойду дальше. Что преступного в Юго-восточном обществе? Нам хотели доставить устав этого общества, но не доставили. Но разве в этом уставе дело? Я утверждаю, что даже «законное» Юго-восточное общество, при всех ваших оговорках и указаниях, что оно утверждалось Наркомюстом, решительно ничего не меняет в той позиции, которую в этом вопросе заняли подсудимые во главе с Топильским, ибо весь скрытый механизм операций подсудимых заключался в том, чтобы под видом легального общества протащить в жизнь нелегально действующую организацию, с внешней стороны не представляющую ничего странного и подозрительного, и, так повести дело, чтобы в нужный момент сделать ее опорным пунктом контрреволюции.

Это не осуществилось, но не осуществилось не по вине подсудимых, а по объективным обстоятельствам, от подсудимых не зависевшим. Поэтому, когда обвинение по этому вопросу выдвигает ст. 110 УК, то оно, конечно, имеет в виду и ст. 14 УК, т. е. покушение, которое не осуществилось по независящим от подсудимых обстоятельствам.

И в этом отношении Лаврухин действует также в согласии с директивами своего центра, как было положено действовать, но как не сумел действовать Теплов. Он подает заявле-

ние на имя губисполкома, убеждает там в искренности своих замыслов. Трудно и не поверить, когда не знаешь, с кем имеешь дело, а вероятно, никому не было известно, что у Лаврухина за спиной болтаются 15 лет концентрационного лагеря, что он разделял участь целого ряда матерых контрреволюционеров. Конечно, на местах это все остается неизвестным. И вот получается постановление: закрепить за секцией эти самые совхозы, и летит в центр телеграмма, а для того, чтобы дело было вернее, Лаврухин, кроме того, еще получает и доверенность на управление этими самыми совхозами. Вот такая картина. Лаврухин действует вовсю. Он организовал Сельтрест, куда опять-таки перекачиваются средств, отпущенные государством на борьбу с гибелью скота.

В своих операциях обвиняемый Лаврухин полностью не отчитался. Напомню, кроме того, историю с распиской на 800 млн. руб. и историю с фиктивным счетом, состряпанным по соглашению опять-таки с обвиняемым Топильским. Я не могу не обратить внимания суда на то обстоятельство, что этот счет был составлен как раз в ту минуту, как это установлено показаниями Топильского на предварительном следствии, когда нагрянула ревизия, когда она начала, как говорил Топильский, травить и его, и секцию и когда нужно было как-нибудь прикрыть недостающие в секции средства. Вот в эту минуту и явился спаситель по этой части – Лаврухин.

Я считаю обвинение, выдвинутое против Лаврухина, пол-

ностью доказанным. Я хотел бы только обратить внимание суда на то обстоятельство, что фиктивный мандат, выданный Зуеву, обвинительным заключением не инкриминируется Лаврухину. Между тем здесь явный подлог, квалифицируемый по ст. 116 УК. Ст. 116 признает подлогом внесение заведомо ложных сведений в официальный документ. А ложные сведения в данном случае заключались в том, что Зуеву поручалось отвезти деньги на ст. Сасово к какому-то мифическому заготовщику фуража и передать их ему, а если он его там не встретит, передать эти деньги в Москве секции. Это – заведомая фикция, которая подходит целиком под смысл ст. 116.

Поэтому я во изменение квалификации предъявленного Лаврухину обвинения полагаю необходимым добавить также ст. 116. Так как предъявление этого дополнительного обвинения не усиливает наказания, то я не предвижу каких-либо возражений защиты с формальной стороны. С другой стороны, я должен обратить внимание на то обстоятельство, что Лаврухин, на мой взгляд, в отношении репрессии, которая должна быть к нему применена, находится в особых условиях. Я считаю по ходу всего нашего дела, что Лаврухин достаточно серьезно скомпрометирован, но его преступление менее значительно. Он, в отличие от многих других подсудимых, будучи болен, все же сейчас выполняет важную работу. Поэтому в отношении Лаврухина я не настаиваю на серьезном наказании.

Я должен перейти теперь к обвиняемому Звереву. Зверев обвиняется в том, что он дал Топильскому взятку. На эту тему достаточно много говорилось, и тут, конечно, возможно только возвращение к одному и тому же положению: сколько, в конце концов, Зверев отчислил? Все ли он отчислил в пользу Топильского или только те 1800 млн. руб., которые он не провел по книгам и по которым не получил расписки, или он отчислил большую сумму, которая самим Топильским исчисляется в $6-6^{1\wedge/2\wedge}$ миллиардов? Положение не меняется ни в том, ни в другом случае.

Обвинение стоит на той точке зрения, что он отчислил $6-6^{1\wedge/2\wedge}$ млрд. руб., и считает ее не поколебленной. Вероятно обвиняемый Зверев будет стоять на иной точке зрения, на какой он стоял и ранее. Но вот одно соображение, которое выдвигалось уже в процессе судебного следствия: как мог обвиняемый Зверев дать шестимиллиардную взятку, когда вся прибыль от мануфактуры исчислялась в 400 млн. рублей? Действительно, как будто бы здесь противоречие неразъяснимое или разъяснимое в положительную для обвиняемого сторону.

Я уже в процессе судебного следствия обратил внимание суда на то обстоятельство, что деловые коммерческие взаимоотношения между Топильским и так называемым «Оптовиком» не исчерпывались одной только мануфактурой. Даже исходя из показаний Чиглинцева, «Оптовик» получил, кроме мануфактуры, еще 1000 штук кос. Конечно, нет ни-

какого сомнения в том, что тот натурфонд, который отпущен секции, попадал в «Оптовик». Таким образом, не исключается предположение, что шесть миллиардов были даны, как неточно выражается обвинительное заключение, — не за счет прибыли за мануфактуру, а из сумм по мануфактуре, и притом за все то содействие, которое постоянно оказывал Топильский «Оптовик». Таким установится понятной эта согласованность с утверждением самого Топильского. Но если бы даже отвергнуть эту мысль, то во всяком случае эти 1800 млн. руб. останутся неоправданными. Зверев не такой наивный делец, чтобы он мог выпустить из своих рук 1800 млн руб., не взяв с Топильского даже расписки. Он знал, с кем имеет дело, и знал, что, выпустив из своих рук деньги, он потом уже, пожалуй, дела не поправит.

Но я особенно подчеркиваю свое первое соображение: Топильский давал «Оптовик» и мануфактуру, и косы, и многое еще другое, что значится по книгам «Оптовика» без указания источника происхождения. Это-то и дает право думать, что эти 1800 млн. руб. были выданы не случайно.

Я обращал ваше внимание на Зверева. По его концессионной работе, по его закупкам, он ценный человек для Топильского. Я должен обратить ваше внимание также еще на одно обстоятельство — обвиняемый Зверев принимал участие в составлении торсуевской запродажной. Поэтому квалифицируя деяние Зверева, с одной стороны, по ст. 114 УК, которая трактует о взяточничестве должностного лица, и, указы-

вая на ст. 189 УК, которая говорит о подделке в корыстных целях официальных и простых бумаг, с другой стороны, я прошу здесь иметь в виду, что ст. 189 УК должна быть применена к Звереву через ст. 16. Я хочу также подчеркнуть ту индивидуальную особенность обвиняемого Зверева, скользящего на грани преступлений среди обломков старого капиталистического строя, как ящерица, скользящая между трещинами ущелья, ту особенность, которая характеризует его как человека весьма враждебно настроенного к Советскому государству, хотя и занимающего в этом процессе второстепенное место.

Я полагал бы необходимым избрать ему наказанием лишение свободы в пределах до пяти лет тюрьмы. Кроме того, к нему должна быть применена ст. 49 УК, говорящая о запрещении жительства в известных районах, социально опасным лицам.

Немного времени я займу характеристикой нескольких второстепенных лиц этого процесса. Раньше всего обращусь к обвиняемому Рунову. Хотя я назвал его второстепенным лицом, но он, однако, занимает здесь достаточно видное место. Преступление Рунова, как на ладони. Я не буду поэтому утомлять внимание суда детальным рассмотрением этого преступления. Человек этот – да простит он мне это невольное сравнение – воплощение того героя «Мертвых душ», который фигурировал под весьма прозаическим именем «кувшинного рыла». Он как будто так с рукой, согнутой лодоч-

кой, и создан; он весь представляет собой ожидание и вопрошение. «Кушать нужно и одному и другому», – говорил он. «И золотом спекулировать тоже не грех», – думал он про себя, думал – и проговаривался. Когда Рождественский начинает «тормозить», появляется Рунов, «тормоз» отпускает умелой рукой, дело улаживает, и машина продолжает спокойно вертеться. Он занимал достаточно ответственные места, он был инструктором РКИ. Затем он бухгалтер подотдела наблюдения за тотализатором. Тут уже он как будто бы на свое место попал. Во взяточничестве уличает Рунова вся его система внутренних отношений. Бендер его уличает, Сушкин его уличает, а он твердо стоит на своем и говорит: «Нет, не брал».

Может быть, здесь нужно было бы применить ту статью нашего процессуального кодекса, которая требует в известных случаях психического освидетельствования? Нет, кажется, психически он невредим. Но он решается отрицать очевидные факты, прямые доказательства... Я все же надеюсь, что в последнем слове он не выдержит и скажет: «Согрешил, виноват... Дайте, что полагается»... И вы, товарищи судьи, дадите, что полагается.

Два слова о связанных с Руновым обвиняемых – Бендере и Сушкине. Положение этих двух подсудимых неодинаковое. Бендер несет больше ответственности, так как он коммунист; Сушкин несет меньше ответственности, так как к нашей партии он не принадлежит и, следовательно, может

позволить себе роскошь не так тщательно взвешивать свои поступки и не так строго относиться ко всем своим действиям. Но, с другой стороны, Сушкин несет большую ответственность, чем Бендер, потому, что Сушкин, в сущности говоря, показал дорогу Бендеру к Рунову. Это уравнивает их положение перед лицом совершенных ими преступлений и перед лицом суда. И тот и другой виноваты одинаково, и я бы требовал для них сурового наказания, если бы для меня не был достаточно ярок и силен еще один мотив, на который я считаю необходимым обратить ваше внимание. Это то, что Бендер и Сушкин действовали не для себя и сами ни одной копейки на этом деле не заработали, а запутались в тине, в ужасной системе взяточничества, которая процветала в этом знаменитом учреждении, именующемся не то Гуконом, не то секцией по спасению животноводства. Вот почему я бы полагал возможным ограничиться в отношении их общественным порицанием.

Перехожу к обвиняемому Торсуеву.

Товарищи судьи, в истории с домами большая ответственность ложится на Торсуева. Я считаю себя вправе не касаться, однако, всех этих обстоятельств дела, потому что они достаточно выпукло были обрисованы в течение допроса Торсуева. Торсуев, конечно, понимал, что он делал, конечно, он знал, что он совершает, и Торсуев, конечно, должен за это отвечать, ибо он более чем кто бы то ни было, как юрист, как бывший нотариус старой России, знает, что отговариваться

тяжелым материальным положением никак не приходится, особенно ему, получившему в свое время за счет народного труда, народного пота и крови возможность быть нотариусом. Поэтому я могу не касаться материальной стороны преступлений Торсуева. Сам Торсуев достаточно красочно говорил здесь, на суде, о том, что он совершил и как он относится к этому.

Но вот возникает юридический вопрос, и, конечно, защита будет на этом вопросе останавливать свое внимание. Защита скажет: «Что, в сущности говоря, совершилось? Ничтожная сделка. Была совершена запродажная на дом, который национализирован, который, следовательно, не принадлежит ни тому, ни другому». Это – с одной стороны. Это подобно тому, как если бы я продал хотя бы Румянцевский музей и, написав запродажную, поставил бы пункт для всякого случая: «если к этому явится легальная возможность». И поскольку эта сделка ничтожна, постольку не может быть и вины за эту ничтожную сделку. А другая, более радикальная точка зрения пошла даже так далеко, что сказала: а кому же приключилась от этого беда? Ведь это все равно, как если бы я, сидя в комнате, писал какую-нибудь бумагу, скрепляя ее подписями, ставил всякие условия относительно-взносов и сроков и потом запер бы эту бумагу в стол. К чему и кого это обязывает? Как будто бы никого.

А зачем тогда мы огород городим, зачем люди сидят на скамье подсудимых и зачем привлекают их к ответственно-

сти за преступление, и действительно ли они совершили преступление. Я бы хотел дать ответ на этот вопрос и разъяснить, что эта сделка вовсе не ничтожная, что эта сделка самая настоящая и самая реальная. Ведь дело шло о продаже и покупке в 1922 году двух национализированных домов (№ 14 по Мясницкой улице и дома Михайловых по Земскому пер.) за 10 тысяч руб. золотом каждый. Эти дома были запрода- ны, была составлена по всей форме запродажная при помо- щии нотариуса Торсуева. При этом, ввиду действия закона о национализации, запродажная была составлена задним чис- лом, 1917 годом, и скреплена нотариальной печатью и под- писью на круглую сумму в 10 млн. рублей. Смысл этой афе- ры заключался в том, чтобы осуществить переход имущества из рук продавца в руки покупателя в том случае, если про- изойдет денационализация домов, на что эти господа крепко рассчитывали. И вот я спрашиваю: разве это не настоящая сделка? Разве это не настоящее преступление? Разве здесь нет подлога, нет корысти, нет мошенничества?

Михайлов здесь зарабатывает, так как он получает 10 ты- сяч руб. золотом за один дом (а он получил в золоте) и 10 ты- сяч руб. золотом за другой дом. Он получил эти деньги, за- работал. Торсуев заработал как давший «юридическую фор- му», Зверев заработал как сведший покупателя с продавцом, а Топильский – кто-то сказал, что Топильский пострадал во всем этом деле. Ничего подобного, он не пострадал. Он на- деется на то, что будет издан декрет о денационализации

домов: он ставит ставку на этот ожидаемый декрет. Вот тогда-то он заработает! Он предъявит тогда документ, имеющий законную силу, и вступит во владение имуществом, которое ему принадлежит, ибо он ранее заплатил за него золотом. Говорить, что тут произошло что-то вроде кукольной игры, что эта сделка ничтожна – нельзя. Вся ставка этих игровых была на неустойчивость земельной политики советской власти, и на этой «ставке» люди кормились, торговали, составляли акты и, составляя все это, подделывали документы, хотя и не официальные документы, но подделывали...

Статья 189 гласит о подлоге в корыстных целях простых бумаг, поэтому я полагаю, что эта статья тут целиком применима. В чем задачи Уголовного кодекса, уголовной репрессии? Задачи эти в значительной степени профилактические, предохранительные. И вот, когда сила уголовного закона обрушится на этих дельцов, ловящих в этой мутной воде свою рыбешку, то они из этого извлекут урок для своей будущей деятельности и впредь они или, может быть, другие не будут так легко совершать подлоги таких простых бумаг, а государство заинтересовано в том, чтобы граждане воздерживались от подобного рода уголовных поступков.

В данном случае никто не пострадал, но государство страдает от того, что какие-то граждане начинают жульничать, подделывать документы, не шутя, не играя, а вполне серьезно. Если бы они играли в фанты, тогда другое дело, но здесь была злая, преступная игра, антисоветская к тому же игра.

Одни – Торсуев, Зверев, Михайлов – успели в известной степени, выиграли кое-что, другие не успели ни в какой мере, как Топильский; но кто играет, тот и проигрывает.

Товарищи судьи, я полагаю, что к деяниям, совершенным Торсуевым, Михайловым и Зверевым, ст. 189 является вполне применимой. Я учитываю преклонный возраст Торсуева, я учитываю преклонный возраст и болезненное состояние А. Ф. Михайлова, который вел все это дело и за себя и за своего брата; поэтому я полагаю, что вы можете изменить ту меру наказания, которая здесь указывается, применив амнистии 1921 и 1922 годов, и, таким образом, с применением амнистии, даже при приговоре к двухлетнему заключению, освободить их от наказания.

Что же касается Г. Ф. Михайлова, то ввиду выяснившихся обстоятельств я от его обвинения отказываюсь: он не участвовал сознательно во всех этих сделках и должен быть от ответственности освобожден.

Позвольте также коснуться и еще одного из подсудимых, вина которого ни в какой мере не была установлена здесь, на суде, мера пресечения в отношении которого была вами уже изменена и который должен быть, по моему мнению, также освобожден от какой-либо ответственности. Я говорю о Янковском. Янковский обвинялся во взяточничестве. Это не подтвердилось, поэтому от обвинения в этой части я отказываюсь и прошу об его оправдании.

С Ширяевым судьба связала Вогуленко. Конечно, Вогу-

ленко собственным своим признанием уличается в том, что он выдавал фиктивные расписки, но, товарищи судьи, можно ли требовать от Вогуленко такого отношения к этому документу, какого мы требовали, например, от Торсуева или Лаврухина? Конечно, нет. Поэтому я полагаю, что если вы, оставаясь в плоскости формально установленной вины, и признаете нужным подвергнуть его какому-нибудь наказанию, то вы определите ему это наказание в такой мере, которая, по применении амнистии, даст ему возможность вернуться к крестьянскому труду.

Теперь я перехожу к следующим и последним трем обвиняемым, которые связаны между собой, прежде всего потому, что они все члены РКП, – это Мишель, Теплов и Позигун.

Я едва ли ошибусь, сказав, что Мишель всей своей деятельностью, прошедшей здесь, на суде, перед нашими глазами, скользит на грани преступлений Мишель вообще скользкий человек. Правда, в этом человеке имеется немало противоречивых и друг друга исключаящих качеств и свойств. Об этом говорят все его операции, особенность которых заключается в удивительной легковесности, такой легковесности, которая позволяет говорить о каком-то даже просто несерьезном его отношении к своим действиям. В этом человеке отчетливо видны и черты преступника и черты просто легкомысленного, авантюристически настроенного человека.

Первая его операция связана с 1919 годом, связана с его

должностью заместителя председателя ЦКРКФ – центральной контрольно-разгрузочной фронтowej комиссии. Председателем этой комиссии был, если не ошибаюсь, Громан, а заместителем его был Мишель. Ему, конечно, нужно было иметь лошадей. Вообще про Мишеля надо сказать, что там, где он появлялся и в какой бы должности он ни появлялся, под ним фатальным образом вырастает лошадь... Он как-то весьма ловко и даже грациозно за счет оказавшегося у него излишнего фуража приобрел лишних двух лошадей. Этот фураж он получает при помощи операции, не отличающейся чистоплотностью. Он получает его из Петроградского губпродкома из расчета четырех лошадей, а содержит двух лошадей. Разницу в фураже он «экономит» и на «экономию» приобретает себе в собственность еще двух лошадей – «Фофана» и «Миловидного». У него получается четверка. Эти лошади помещаются на Малой Бронной, 40, в конюшне, именуемой «конюшней Мишеля».

Так шло дело до 1920 года. В 1920 году Мишель потребовал, чтобы ему оплатили «Бархатку» и «Батыя», указывая на то, что он попал в неловкое положение, что сделал какой-то перерасход, что надо его покрыть. Отношения Мишеля с ЦКРКФ по поводу этих лошадей настолько запутываются, что никто не может ответить на простой вопрос: кому же принадлежат эти лошади. На предварительном следствии Мишель говорил несколько раз, что когда он обсуждал вопрос о том, кому принадлежат эти лошади, то он так

и не мог решить этого вопроса ни в ту, ни в другую сторону. С одной стороны, как будто бы эти, лошади куплены на экономию, которую он получал от фуража, и, следовательно, лошади должны принадлежать ему, но, с другой стороны, фураж, который он сэкономил, принадлежал Петрогубпродкому. Значит, лошади должны принадлежать Губпродкому.

Честный человек решил бы этот вопрос сразу: он бы сказал, что лошади принадлежат тому, кому принадлежит фураж, на который эти лошади куплены а Мишель так и не решил этого вопроса В доказательство этого прошу обратить внимание на его объяснения на предварительном следствии, которые содержатся в V томе и, в частности, на листе 336, например, где он просто говорит: «Задумываясь над юридическим положением этих лошадей» и т. д., рассказывает, что твердо не знает, кому эти лошади принадлежат, но фактически этими лошадьми он распоряжается, как своими.

Так рисуется нам эта первая операция Мишеля: лошади эти долгое время все-таки значатся у Мишеля, в его распоряжении. Правда, к этим лошадям прибавляются потом новые. В одном показании Мишель говорит (том V, лист 333): «Я утверждаю, что всего у Губпродкома 13 лошадей: 9 на Малой Бронной, 2 на конюшне Гукона, 2 на излечении, – и все принадлежат Губпродкому», А Пахомов утверждает, что были три лошади и что он ни одной не получил. Из этой первой операции я делаю вывод, основываясь на всей совокупности обстоятельств, что Мишель старался присвоить себе

этих лошадей и предпринял для этого ряд мер. Вот почему, как показывает Громан, он просил оплатить ему расходы по «Батью», а когда ему отказали, он просил исключить «Батю» из инвентаря ЦКРКФ и перечислить в инвентарь Губпродкома.

Вообще система у него была такая: Пахомову (Петрогубисполком) Мишель говорил, что это лошади Всеработземлеса, а ЦКРКФ – что это лошади Петрогубисполкома и Петрогубпродкома. Одни думают, что лошади принадлежат тем, а те думают, что лошади принадлежат другим, а лошади в это время остаются у Мишеля и обслуживают его и те учреждения, к которым он благоволит, как, например, Гидроторф, Винторг и т. д. и т. д.

Теперь вторая операция, 1921 года. Мишель становится помощником начальника Гукона, и опять начинается история с лошадьми. По распоряжению Мишеля в Петрогубкоммуне берутся на случайный период два коня – «Демон» и «Булат», а вместо «Демона» и «Булата» на время случайной кампании появляются в Петрогубкоммуне «Горлинка», «Умница» и «Кристалл». Они попадают опять-таки на Малую Бронную, 40. Интересно, что эти лошади 30 апреля неким Лившицем были получены для Петрогубкоммуны, а 2 июня появляется уже расписка о том, что они приняты от Мишеля, а не от Гукона.

И это не случайно. Это тоже система мишелевских операций. Когда появляется в каком-либо учреждении новая ло-

шадь, она регистрируется как лошадь, принятая от Мишеля; она направляется на конюшню Мишеля; она используется по указанию Мишеля. С ней неразрывно связывается имя Мишеля, пока все не привыкают, наконец, к тому, что хозяин этой лошади – Мишель и что, в сущности говоря, никто, кроме Мишеля, и не имеет на нее никаких прав. Иногда это не выходит, операция или махинация срывается, но иногда, и так бывает, к сожалению, в большинстве случаев, эти махинации удаются. С «Горлинкой» и «Умницей» сорвалось – 5 июля их у Мишеля отобрали. Но «Кристалл» «задержался» у Мишеля, якобы для прохождения «курса лечения».

В июле Мишель выходит из Гукона на службу в Всеработземлес. Тут опять возникает вопрос о транспорте. Он обращается к секции спасения животноводства с просьбой отпустить лошадей. Ему отпускают нескольких лошадей. Лошади эти, как и прежние, попадают опять-таки на конюшню Мишеля – Малая Бронная, 40, причем, Мишель получает от ЦК Всеработземлес содержание на пять кучеров и фураж на десять лошадей, и такое положение тянется до марта 1922 года. Затем мы видим Мишеля уже в качестве члена правления Госсельсиндиката. Тут опять заходит речь о лошадях. Свидетель Горов показывает, что Мишель обязался доставить четыре лошади и два выезда; полвыезда он должен доставить за свой собственный счет, а за остальные должен был получать вознаграждение в размере 300 млн. руб. в месяц на фураж и на оплату всех расходов, связанных с этим делом.

Сам по себе этот факт ничего собой из ряда вон выходящего не представляет. Но мы видим, что и здесь повторяется та же история: в результате на мишелевской конюшне стоит несколько лошадей, и никто не может толком установить, чьи же это лошади, а Мишель распоряжается ими, как своими, и подготавливает на этот счет кое-какие документы. Нельзя сказать, что Мишель этих лошадей присвоил, но несомненно, что он сделал все для того, чтобы запутать этот вопрос в личных интересах, в целях присвоения впоследствии, при благоприятных обстоятельствах, этого государственного имущества.

Теплов – это человек случайный в партии, примазавшийся к партии. Он попадает в атмосферу лжи, подлогов, взяточничества, казнокрадства, хищений. Как он на все это реагирует? Наталкиваясь на преступление, он предпочитает «потолковать» с Ширяевым вместо того чтобы взять преступника за шиворот, как и полагается коммунисту, разоблачить его. Почему он этого не делает? Потому что он не коммунист, потому что в нем под маской коммуниста скрывается настоящий обыватель. Этот коммунист пал до того, что держал на ипподроме беговых лошадей, используя свое ответственное положение в личных, корыстных интересах.

Теплов сам признал ряд своих злоупотреблений, хотя и сделал затем попытку несколько опорочить следствие указанием на якобы неправильные действия следователя Захарова. Но мы вызвали следователя, под руководством которого

велось следствие, и утверждения Теплова были полностью опровергнуты.

Можно считать установленным, что обвиняемый Теплов свои показания давал – вполне свободно и что этими показаниями он достаточно изобличается в преступлениях, предъявленных ему на суде. Его показания совпадают с показаниями обвиняемого Топильского и обвиняемого Лаврухина; совпадают и с тем, что «оказывал обвиняемый Ширяев об отчислениях, перечислениях, о том, что все это шло в общий котел, что часть шла на действительные расходы, а часть – на другие расходы: полулегальные, нелегальные и т. д.

Ведь нельзя же допустить, что этот человек мог сознательно затягивать петлю на шее ни в чем не повинного своего товарища, только якобы в угоду следователю, уступая просьбам следователя. Такой поступок мог бы допустить только окончательно падший человек, какое-то чудовище, а не человек, а Теплова таким чудовищем представить себе никак нельзя. По случайности, по небрежности, по неряшливости мог прихватить в своих показаниях другого человека, это еще можно допустить. Но сознательный оговор... Я этого не допускаю, так как для такого допущения нет решительно никаких оснований.

Версию Теплова, выдуманную здесь, на суде, я решительно отвергаю. Теплов признал, что в октябре он получил аванс и сделал отчисление, что второй аванс он получил в ноябре и тоже сделал отчисление и что в третий раз отчис-

лил 240 млн. руб. Теперь он это отрицает, говоря, что никаких ордеров он не получал, что их и в природе не было и что он их вовсе не видел. Но бросается в глаза одна странность: он назвал ту самую сумму, что называл и Топильский, говоря о получении от Теплова денег, – те же 400 млн. руб. Как же это они называют одну сумму? Как объяснить такое совпадение? Случайность? Нет не случайность. Одна сумма названа потому, что один давал, а другой брал эти деньги. Теплов «отчислил» эти 400 млн. Топильскому. Он сам говорит об этом, и т. Кузнецов это подтвердил. А т. Кузнецову мы не можем не верить. Теплов передачу денег Топильскому объяснил тем, что его «тянули», что у него «вымогали», что его поставили в такие условия, при которых нужно было это сделать, нужно было дать, отчислить, как деликатно выражались Теплов и другие из этой теплой компании. Но давая или «отчисляя» в пользу одних, он тотчас брал или «начислял» в свою пользу. Сам давал взятки, сам и брал взятки. Теплов все это, в сущности говоря, признал. Обвиняемый Теплов по этому поводу совершенно откровенно здесь говорит: когда с меня потребовали, а я не отчислил, то меня хотели убрать, а не убрали только потому, что когда я получил 750 млн. аванса, я из них отчислил 240 млн. руб. Это совершенно совпадает с тем, что говорят и Янковский и Топильский. Важно отметить, что Янковский не связан ни с Топильским, ни с Тепловым. Это нас еще более убеждает в том, что обвиняемый Теплов действительно отчислил в пользу «Центра» из-

вестные суммы. По собственному признанию обвиняемого Теплова, он такую же систему «отчислений» применял по отношению и к своим контрагентам, накладывая на них суммы, уплаченные «Центру», т. е. применял систему взяточничества, введенную обвиняемым Топильским.

Будучи членом партии, обвиняемый Теплов опозорил высокое звание партийца. Он должен был твердо стоять на своем посту, а он со своего поста ушел в логово врагов и мародеров и стал заниматься сам таким же мародерством.

Что касается отчетов, то их он представлял лучше и более правильно, чем другие, а все-таки трех миллионов рублей и у него не хватает. Покажите эти три миллиона, положите их на стол, и суд тогда скажет: «Да, этих денег вы, обвиняемый Теплов, не присвоили и расстрелу не подлежите, а пока вы этого не доказали, пока вы не отчитались в трех миллионах, мы имеем право говорить о присвоении этих сумм».

Если мы строги к людям, присваивающим государственные средства, тогда, когда они находятся не в нашей среде, то к людям, которые стоят в наших рядах, мы должны быть еще более строгими, мы должны быть беспощадными.

Теперь я перехожу к обвиняемому Позигуну. С самого начала и до самого конца следствия Позигун утверждает, что он невиновен. Это утверждение его такое настойчивое, такое твердое, оно обязывает к особой осторожности и особой тщательности в деле проверки доказательств. Обвинение при этих условиях должно представить неопровержимые

доказательства вины обвиняемого, противопоставить утверждениям факты и конкретные данные, способные выдержать самую суровую критику. Есть ли у нас эти данные в отношении Позигуна? Я считаю, что есть.

Установлено, что Позигун – он сам не отрицает этого – бывал на собраниях, где обсуждался вопрос о Юго-восточном обществе, и, конечно, знал все, что там говорилось. Позигун знал о целях этого Юго-восточного общества. Позигун знал и об отчислениях. Я должен оперировать следующими фактами: о том, что отчисления были, говорят и кричат многие факты, я их излагал суду тогда, когда говорил о Топильском, Теплове и других обвиняемых. Если эти отчисления были и если то, что говорит об этом Топильский, верно, а это подтверждается показаниями Лаврухина и Ширяева, то странно, что об этих отчислениях ничего не знал Позигун. Этого быть не могло, и этого, конечно, не было. Сам Топильский говорит об этом в своем показании 5 октября «Обо всех махинациях, знали я и Позигун».

Отсюда я делаю вывод, что поскольку отчисления были, а это доказано, поскольку в этой части показаний об отчислениях Топильский говорит правду, а это подтверждается объективными данными, поскольку он в этих же показаниях говорит о том, что Позигун знал обо всем этом, и, судя по тому, что он подписывает ширяевские отчисления и перечисления, он действительно должен был знать об этих «фокусах», об этом замаскированном виде отчислений, – из это-

го всего я делаю вывод, что Позигун об этих отчислениях знал, так как был близок к Топильскому, и это подтверждает и Минкин.

Следовательно, можно считать доказанным, что Позигун об этих отчислениях знал. Можно ли, следовательно, не сделать необходимых выводов, вспоминая, например, о тех безобразиях, которые творились на ипподроме, о появившихся у частных владельцев беговых лошадях, об этом расхищении государственных лошадей, на что обратили внимание Евреинов, Нечаев и Теодорович? Можно ли выбросить из памяти записку Теодоровича, в которой говорится, что Позигун не сообщил ни разу о донесениях Евреинова, о том безобразии, которое творилось с лошадьми? Наоборот, недели за три до ареста, когда от него потребовали разъяснения по поводу лошадей, он доложил, что слухи неосновательны, все это, мол, одни сплетни.

Что это такое? Чем это можно объяснить? Это объяснить можно только тем, что та близость, которая была между Позигуном и Топильским, между Позигуном и Рождественским, близость, которая его приводила на квартиру то к одному, то к другому, близость, которая позволяла ему интимно беседовать, несмотря на свою принадлежность к коммунистической партии, с этими спекулянтами на тему об организации Юго-восточного общества, эта самая близость толкала его на путь лжи, когда он сообщил Теодоровичу, что все спокойно, в то время, когда нужно было бы кричать, так

как творившиеся у него под носом безобразия переходили всякие границы. Евреинов говорит, что он неоднократно докладывал Позигуну о симбирских лошадях, об этой безобразной истории, когда этих лошадей привезли от имени секции и разбазарили по частным рукам, расхитив, таким образом, ценное государственное имущество и нарушив советский закон. Евреинов говорил, что у него создалось впечатление, что Позигун покрывает Топильского и Рождественского. Этот факт говорит о многом, и так просто отмахнуться от него Позигун не имеет никакого права. Из записки Нечаева мы видим, что часто при входе его в кабинет к Позигуну, когда там были Топильский и Рождественский, разговор смолкал, а ведь Нечаев был ближайшим помощником Позигуна. Эти разговоры были во время ревизии секции, и характерно, что, когда появлялся Нечаев, эти разговоры смолкали. Этих фактов, как слов из песни, выбросить нельзя.

Или, например, показание Воробьева, политинспектора Гукона. Я считаю себя вправе обратить внимание суда на эти показания. Воробьев говорит так – «Позигун не только нечестно относился к имуществу республики, но гораздо более того, Позигун наверное примешан к какой-нибудь контрреволюционной организации, поставившей себе целью вредить хозяйству республики». Воробьев упрекал Позигуна в том, что он тормозил работу; когда политинспектор указывал ему, что идет беспощадный грабеж, Позигун отвечал,

что затерял поступивший к нему материал. Этих фактов выбросить из памяти нельзя. Раз это так, раз говорят так и Евреинов, и Нечаев, и Теодорович, и Воробьев, надо разобраться, в чем тут дело. На основании имеющегося в деле объективного материала и на основании показаний ряда свидетелей и обвиняемых я прихожу к выводу о виновности Позигуна.

Конечно, в этом позорном и печальном деле, где бесвестные мародеры пытались наживаться и наживались на несчастье наших братьев, на страданиях детей, на разорении народного хозяйства, первая роль принадлежит не Позигуну. Эта роль принадлежит Топильскому. Но Позигун был в числе мародеров и должен нести за это ответственность.

Я кончаю. Я не могу в заключение не напомнить вам, товарищи судьи, об одном моменте судебного следствия. Это было тогда, когда перед вами пронеслись картины гражданской войны, картины героической борьбы наших славных красногвардейских, партизанских, пролетарских отрядов против колчаковщины.

Перед вашим умственным взором прошла картина колчаковской тюрьмы, куда белогвардейскими палачами были брошены наши братья, борцы за советскую власть, за дело рабочего класса. В этой ужасной колчаковской тюрьме томился в те дни и Позигун, честно боровшийся с нашими врагами, отдавая свою жизнь за наше общее дело. Этого не вспомнить нельзя. Нельзя не вспомнить этого сейчас, когда

Позигун сидит перед вами с низко опущенной головой, ожидая решения своей участи, сгорая от стыда и позора. Я не сомневаюсь, что вы вспомните в совещательной комнате и эту страницу жизни Позигуна и учтете это при определении ему меры наказания.

Пролетарская революция, беспощадная к врагам, великодушна к тем, кто случайно встал на путь преступлений и кто способен сойти с этого пути, кто способен вернуться к честной жизни, к благородным подвигам, к творческому труду.

* * *

Верховный суд приговорил: Мишеля А. по ст. 109 УК – к двум месяцам тюремного заключения, но, принимая во внимание отсутствие корысти, на основании ст. 28 УК, вынести общественное порицание. Позигуна М. по ст. 108 УК – к двум месяцам лишения свободы, но, принимая во внимание революционные заслуги, отсутствие корысти, от наказания освободить. Торсуева М. и Михайлова А. на основании ст. 189 УК – к одному году тюрьмы, и на основании амнистии к пятой годовщине Октябрьской революции – от наказания освободить. Вогуленко П. на основании ст. 116 УК – к одному году тюремного заключения, и на основании амнистии – от наказания освободить. Рунова Сергея на основании ч. 2 ст. 114 УК – к лишению свободы сроком на три года со строгой изоляцией. Лаврухина А. на основании ст. 189 и ч.

2 ст. 113 УК лишить свободы сроком на один год шесть месяцев, и на основании амнистии к пятой годовщине – от наказания освободить. Рождественского В., Тимашкевича А., Теплова Я., Ширяева П. и Зверева С. на основании ст. 110, 2 ч. ст. 113, 2 ч. ст. 114, ст. ст. 189, 177, 116 УК и на основании ст. 30 УК – к высшей мере наказания – расстрелу. На основании амнистии к пятой годовщине расстрел заменить десятью годами тюремного заключения со строгой изоляцией. Топильского А. на основании ст. 10, 2 ч. ст. 113, 2 ч. ст. 114, ст. ст. 177³ и 189 УК – к высшей мере наказания – расстрелу без применения амнистии.

Поразить в правах на три года Рождественского, Тимашкевича. Теплова, Зверева, Ширяева, Рунова, Лаврухина, Михайлова Алексея и Торсуева.

Михайлова Г., Янковского Я., Бендера Я. и Сушкина Верховный суд оправдал.

³ Статья 95 УК 1926 года.

Дело ленинградских судебных работников

В 1923 году группа судебных работников г. Ленинграда по предварительному между собою сговору, в нарушение своего служебного долга явно подрывая авторитет судебной власти в видах личного обогащения вступила на путь систематического взяточничества Эта группа, а именно следователи и народные судьи Сенин-Менакер Кузьмин, Шаховнин, Михайлов Н. А., Копичко, Васильев Л. В., Михайлов А. И., Елисеев, Демидов, Флоринский и Гладков вошли в связь с нэпманами и различными преступными элементами, заинтересованными в прекращении своих дел, находившихся в производстве этих судебных работников.

Сенин-Менакер С. М. бывший следователь военного трибунала корпуса Ленинградского военного округа, он же заместитель председателя кооператива Ленинградского совета народных судей, использовал свои связи в целях личной наживы, выступая постоянным посредником между нэпманами и некоторыми судебными работниками, за взятки содействуя незаконному прекращению судебно-следственных дел и освобождению арестованных по этим делам.

а) в апреле – мае 1923 года, войдя в преступное соглашение с исполняющим обязанности начальника следственного

отдела Ленинградского губернского суда Кузьминым и старшими следователями того же суда Шаховниным и Михайловым Н. Д., направил к прекращению дела Антимония и Фридлендера, ранее привлеченных к уголовной ответственности, за что последние и дали Сенину-Менакеру через посредника Александровского 39 000 руб.;

б) тогда же и там же за прекращение дела нэпмана Левензона П. Б., привлеченного губернским судом к ответственности за незаконную торговлю спиртом, и немедленное освобождение Левензона из-под стражи получил от жены последнего, Левензон Б. С., по ее показанию на суде, 5000 руб., по показанию же старшего следователя – Шаховнина, – 10 000 руб. в) тогда же и там же при помощи старшего следователя Шаховнина направил дела нэпманов Боришанского и Маркитанта в суд на прекращение, г) в апреле месяце был посредником между народным следователем 7 отделения Флоринским и купцом Набатовым, дело которого находилось в производстве у Флоринского, в незаконном возвращении Набатову денег, задержанных у него при аресте, за что и получил совместно с Флоринским в виде взятки крупную сумму денег.

Кузьмин В. И., исполнявший должность начальника следственного отдела Ленинградского губернского суда, вошел в преступную связь с Сениным-Менакером и использовал свое право распределения дел между следователями губернского суда в корыстных целях часть этих дел направлял к

тем следователям с которыми заранее входил в соглашение о прекращении этих дел за взятки За прекращение дел получил через посредника Сенина-Менакера 1000 руб. через посредника Шляхтера – 6000 руб. и через Шаховнина от Бродя некого – 2000 руб.

Шаховнин И. С., старший следователь Ленинградского губернского суда, войдя в преступное соглашение с Сениным-Менакером, Кузьминым и Михайловым Н. принял к своему производству дело «лаборантов» с целью его прекращения, за прекращение дел получил от Сенина-Менакера 1000 руб. от Кузьмина – 2000 руб. и от Бродянского – 600 руб.; за освобождение из-под стражи нэпмана Ливензона П. Б. получил от жены последнего через Сенина-Менакера 2000 руб., в то же время принял угощение в ресторане «Метрополь» от нэпмана Матвеева, обвинявшегося по ст. 114-а УК⁴ корзину продуктов, вино и 2000 руб., за что в целях ликвидации этого дела вырвал из дела Матвеева заключительное постановление органов дознания.

Михайлов Н. А., старший следователь Ленинградского губернского суда, зная о преступном замысле названных выше лиц, согласился передать из своего производства дело «лаборантов», несмотря на прямое запрещение прокурора Ленинградского губернского суда; уничтожил протокол допроса нэпмана Антимония, изобличающий последнего в преступных действиях; за ликвидацию дел нэпманов получил от

⁴ Соответствует ст. 118 УК 1926 года.

Шаховнина 2000 руб. и от Сенина-Менакера – 1300 руб., из них 300 руб. – «на женщин».

Копичко Б. Ю., имея в своем производстве дело сводницы-проститутки Боннель, обвинявшейся и осужденной впоследствии по ст. 171 УК (в ред. 1922 г.)⁵ пытался прекратить это дело и незаконно освободил Боннель из-под стражи, согласился принять предложение Гольдина и Цыганкова о ликвидации дела Боннель за взятку 4000 руб.

Васильев Л. В., следователь особой камеры по делам о выделке самогона, был посредником между старшим следователем Копичко и Боннель по ликвидации дела последней за что и получил от Цыганкова угощение в ресторане «Слон» за счет Боннель; пытался через своего практиканта Елисеева получить взятку в 30 000 руб. за прекращение дела Ольтова и Доброва, находившегося в его производстве; за неоднократные угощения у самогонщиков Баллод составил постановление о прекращении дела Баллода П., также находившегося в его производстве, получил от Бородавкиной взятку в 3000 руб. за освобождение из-под стражи ее мужа – самогонщика Бородавкина; незаконно освободил из-под стражи самогонщицу Борисову, дело которой находилось в его производстве, получив за это через посредницу Лосеву взятку в размере 650 руб.; явно злоупотребляя предоставленной ему властью, произвел незаконный обыск у Шницеровой, возбуждив против нее обвинение по ст. 171 УК без достаточных на

⁵ Соответствует ст. 155 УК 1926 года.

то оснований; желая избавиться от своей жены Карельской, заключил ее в дом умалишенных.

Михайлов А. И., народный следователь особой камеры по делам о выделке самогона, получил взятку в 3000 руб. от Баллод Вероники за освобождение ее мужа из-под стражи.

Елисеев П. Н., практикант при народном следователе, на просьбу Добровой дать справку о состоянии дела Доброва и Ольтова, привлеченных к ответственности за незаконную торговлю спиртом, вступил с нею в переговоры о ликвидации этого дела за взятку. Выяснив условия прекращения дела, он получил согласие народного следователя Васильева принять взятку в 30 000 руб. Взятка не была получена лишь потому, что об этой сделке своевременно стало известно ГПУ; знал о том, что народный следователь Михайлов А. получил взятку от самогонщицы Баллод за освобождение ее мужа.

Демидов Н. С., практикант при народном следователе, участвовал в попойке вместе с народными следователями Михайловым и Васильевым на квартире Баллод; знал об освобождении Михайловым из-под стражи П. Баллода за взятку в 3000 руб., способствуя выполнению этого преступления советами и указаниями.

Цыбульский В. С., работник прокуратуры, знал о преступной деятельности Сенина-Менакера задолго до раскрытия настоящих преступлений судебных работников и никому не сообщил об этом; по предварительному сговору с

Сениным-Менакером решил за взятку в 3000 руб. освободить нэпмана Левензона; во исполнение своего преступного замысла утром 29 мая предложил Кузьмину и Шаховнину освободить Левензона якобы на основании циркуляра НКЮ № 6; узнав, что против Сенина-Менакера, Кузьмина и других возбуждено уголовное дело, он задним числом подал рапорт помощнику прокурора с указанием, что Сенин-Менакер предлагал ему взятку за освобождение Левензона.

Бродянский Н. С., член коллегии защитников при Ленинградском губернском суде, под видом адвокатской деятельности посредничал между привлеченными в качестве обвиняемых нэпманами – Боришанским, Маркитантом и Левензон Б. С., с одной стороны, и старшим следователем губернского суда Шаховниным и Кузьминым – с другой, по передаче последним взятки за ликвидацию дел нэпманов; получив для указанной цели с Боришанского, Маркитанта и Левензон Б. С. по 3500 руб., передал 6000 руб. Шаховнину, остальные оставил себе.

Флоринский М. М., народный следователь 7 отделения г. Ленинграда, незаконно вернул Набатову задержанные у последнего органами ГПУ деньги в золоте и иностранной валюте; вместе с Сениным-Менакером, заранее сговорившись, получили с Набатова взятку в размере 30 000 руб.

Иванов К. И., работавший на механическом заводе имени Юргенсона, был посредником-инициатором в даче купцом Матвеевым взятки старшему следователю Шаховнину.

Александровский М. Ф., владелец лаборатории «Парацельс», совместно с Сениным-Менакером, был посредником в передаче взяток, полученных от нэпманов «лаборантов» Антимония и Фридлендера за прекращение их дела.

Матвеев Г. М., владелец продуктового магазина, будучи привлечен Ленинградским губернским судом к ответственности по ст. 114-а УК, в целях ликвидации этого дела, дал взятку судебным работникам, через посредников Иванова К. И. и Пахомова Я. Т., в размере 6100 руб.

Антимония Г. Ю., арендатор Чернышевской аптеки и владелец лаборатории «Голлендер», в целях ликвидации своего дела в Ленинградском губернском суде через посредников Александровского и Сенина-Менакера, дал первому из них 15 000 руб. векселями, которые впоследствии были им учтены.

Фридлендер А. Г., владелец лаборатории, через посредство Александровского дал за прекращение дела взятку старшему следователю Шаховнину в размере 24 000 руб.

Маркитант И. М., владелец лаборатории «Флора», дал взятку через посредника, члена коллегии защитников Бродянского, старшему следователю Шаховнину в размере 3500 руб.

Боришанский Д. С., владелец лаборатории под фирмой «Миллер», через посредника Бродянского с целью прекращения своего дела дал взятку Шаховнину в размере 3500 руб.

Левензон Б. С. дала взятку следователю Шаховнину через посредника Сенина-Менакера в размере 5000 руб. с целью прекратить дело своего мужа, Левензона П. Б., привлеченного к ответственности за подлог и незаконную торговлю спиртом.

Боннель-Андрэ Ю. В. дала взятку старшему следователю Копичко в форме угощения его в ресторане «Слон» за прекращение дела о ней; с той же целью обещала Копичко через посредников дать взятку в 4000 руб.

Гольдин Д. А. принимал активное участие в посредничестве между Боннель и старшим следователем Копичко, в производстве которого находилось дело Боннель, вел с Копичко переговоры о ликвидации этого дела.

Добржинский-Славский С. В. обратился к Михайлову А. И., в качестве ходатая, с предложением освободить Баллода из-под стражи; с той же целью неоднократно бывал с народным следователем Михайловым А. И. на квартире Баллод, участвовал в попойках и систематически брал от нее деньги за хлопоты по освобождению ее мужа, Петра Баллода, дело которого находилось в производстве Михайлова; за освобождение Петра Баллода дал народному следователю Михайлову взятку в размере 3000 руб.

Шляхтер Ш. Д. был посредником между врид. начальником следственного отдела Ленинградского губернского суда Кузьминым и старшим следователем того же суда Шаховниным, с одной стороны, и нэпманом Гозиосским – с другой;

дал якобы от имени Гоziосского взятку названным судебным работникам за прекращение дела Гоziосского, находившегося в их производстве.

Гольдина Е. Р. знала о хлопотах Цыганкова об освобождении Боннель и Гольдина за взятку; получила от Матеди 1000 руб. на предварительные расходы по ликвидации дел вышеназванных лиц; знала о согласии Копичко ликвидировать дело Боннель за 4000 руб.

Гладков Н. Г., старший следователь трибунала стрелкового корпуса Ленинградского военного округа, будучи в дружеских отношениях с Сениным-Менакером, а через него и со следователями губернского суда Кузьминым и Шаховниным, неоднократно бывал с ними в ресторанах, а когда вся группа ставших на путь преступлений следователей узнала о начавшихся арестах (был арестован Копичко), собрал их по просьбе Сенина-Менакера в кафе и сам принял участие в обсуждении вопроса о том, как держаться на допросах в случае ареста.

Пахомов М. В., народный судья 3 отделения, Тевелев М. Г., народный судья 2 отделения, принимая к своему производству направляемые к ним следователями губернского суда дела «лаборантов», не могли не обратить внимания на то, что все эти дела квалифицировались по ст. 114-а УК и по существу обвинения являлись неподсудными народному суду, тем не менее приняли их к своему производству и прекратили в явно незаконном порядке.

Баллод В. А. передала через Добжинского-Славского взятку в сумме 24 000 руб. народному следователю Михайлову за освобождение из-под стражи и прекращение дела своего мужа Петра Баллода, с той же целью угощала ужином того же народного следователя Михайлова и его практиканта Демидова.

Баллод П. П., будучи привлечен в качестве обвиняемого по ст. 140 УК⁶ с целью прекращения указанного дела дал взятку народному следователю Васильеву и его практиканту Елисееву в виде угощения на своей квартире.

Бородавкина А. Н. передала народному следователю Васильеву взятку в сумме 3000 руб. за освобождение своего мужа Бородавкина.

Борисова М. И., находясь под следствием по ст. 140 УК, с целью своего освобождения из-под стражи передала в разное время народному следователю Васильеву через посредницу Лосеву 650 руб.

Лосева А. В. была посредницей между народным следователем Васильевым и самогонщицей Борисовой.

Масинзон А. В., член коллегии защитников Ленинградского губернского суда, и Лондон З. М. в целях ликвидации дела «лаборантов» в марте-апреле 1923 года вели переговоры с Антимония. Маркитантом и Фридлендером, предлагая им ликвидировать все дело за взятку.

Пахомов Я. Т. по предложению Иванова К. И. был посред-

⁶ Соответствует ст. 101 УК 1926 года.

ником при передаче взятки нэпманом Матвеевым следователям Шаховнину и Михайлову Н. А. за ликвидацию дела Матвеева, находившегося в производстве губернского суда; при передаче взятки сам получил 1400 руб. и 900 руб.

Гозиосский М. И., будучи вместе с другими «лаборантами» заинтересован в незаконном прекращении их дела, вел переговоры с различными лицами по этому делу, в том числе и со Шляхтером.

Левензон П. Б., владелец лаборатории под фирмой «Девис», дал взятку Шаховнину.

Лондон и Матеди С. Л. обвинялись в посредничестве при даче взяток.

Цыганков М. Г. был посредником между Боннель и старшим следователем Копичко по ликвидации дела Боннель, находившегося в производстве Копичко.

Набатов А. Л. в целях получения из ГПУ арестованных у него денег в размере 900 руб. золотом и 210 американских долларом дал взятку народному следователю Флоринскому, в производстве которого находилось дело; через Сенина-Менакера и следователя Флоринского, за взятку в 30 000 руб., добился прекращения дела и получил обратно деньги.

Прокуров Ф. О., добавочный народный судья особой камеры по делам о самогоне по предварительному сговору с народным следователем той же камеры Васильевым, в личных интересах последнего, произвел незаконный арест жены Васильева, Карельской, и заключил ее в психиатрический

институт.

Все указанные выше лица были привлечены к уголовной ответственности по ст. ст. 114, 114-а, 105, 111, 112, и 179 УК РСФСР в ред. 1922 г.⁷ и преданы суду.

Дело это слушалось в г. Ленинграде выездной сессией Верховного суда РСФСР 12–23 мая 1924 г.

* * *

Товарищи судьи, члены Верховного суда! Мы не впервые рассматриваем дело, имеющее чрезвычайное, исключительное значение, и не только для одного какого-нибудь района нашего государства, но для всей республики, для всего Союза республик в целом; едва ли я ошибусь, сказав, что дела такого исключительного значения, как это, наша республика еще в своих летописях не записывала.

Это дело имеет исключительное значение, так как здесь мы судим судей – тех, кто призваны быть первыми помощниками в деле государственного строительства, ибо без суда нет государства, ибо без суда нет государственного строительства, ибо только в том случае государство может рассчитывать на свою жизненность, если крепки его устои, если крепки его органы, если судьба этих органов находится в руках надежных людей, если призванные защищать интересы

⁷ Соответствуют ст. ст. 117, 118, 109, 114, 115, 95 УК 1926 года.

государства — действительно достойные его защитники, какими являются и должны быть раньше всего наши судьи.

Вот почему это дело представляет такую исключительную важность. Мы, стороны, обязаны в процессе быть наиболее осторожными, мы обязаны быть наиболее объективными, мы не должны забывать того, что наша роль есть роль помощников ваших, помощников судей, которые в этом деле держат в своих руках судьбу 42 человеческих жизней. С этой точки зрения подходя к своей задаче, я должен сказать, что первое требование, которое я сам, как государственный обвинитель, ставлю себе, — это полное спокойствие, полная объективность, беспристрастность, но не бесстрастность. Я должен заранее сказать, я должен заранее перед вами, товарищи судьи, повиниться, — бесстрастным в этом деле быть нельзя, невозможно.

Всякий суд должен найти истину. Результатом всякого процесса должна быть установленная судом истина. Мы добросовестно эту истину искали здесь в течение восьми дней.

В борьбе за истину мы и защита встретимся еще в схватках. Мы еще поборемся, и истина восторжествует. Восторжествует, несмотря на то, что в этом зале в течение всех этих восьми дней мы слышали столько лжи, мы видели столько гнусных преступлений, столько безобразных и отвратительных картин человеческих пороков. Путь к истине в этом деле особенно тяжел и труден. Путь к этой истине лежит через дебри преступлений. Но государство дало нам в руки средство

преодолеть эти дебри. Это средство – наш могучий меч пролетарского правосудия. При его помощи мы проложим себе путь через дебри, через дремучий лес совершенных подсудимыми преступлений, мы выйдем на вольный воздух, на светлую дорогу, ведущую к истине... И как бы ни тяжела была наша задача и наша обязанность государственного обвинителя, эту задачу мы разрешили, эту обязанность выполним, ибо этого требует благо революции, благо народа – наш высший закон.

Сорок два человека сидят здесь перед нами. Здесь три группы людей: получатели взяток, взяточдатели и посредники. О каждой из этих групп придется говорить в отдельности, о каждом входящем в отдельную группу придется также говорить в отдельности. Но все они, в сущности говоря, с точки зрения причиненного государству вреда, с точки зрения опасности для государства, одинаковы, и мы вправе были бы потребовать для них и одинакового наказания.

Вот первая группа преступников – получатели взяток: Сенин, Кузьмин, Шаховнин, Михайлов, Копичко, Васильев, другой Михайлов, Пахомов, Тевелев, Цыбульский, Елисеев, Демидов, Флоринский, Прокуров, Гладков – 15 судебных работников, и среди них есть коммунисты.

Вторая группа – посредники: Бродянский, Пахомов, Иванов, Александровский, Цыганков, Матеди, Шляхтер, Гольдин, Гольдина, Добржинский-Славский – 10 человек, и среди них есть тоже, коммунисты. Получают «коммунисты»,

посредничают «коммунисты». Конечно, коммунисты в кавычках. Дают же взятки нэпманы. Они и составляют третью категорию. Это – Антимония, Фридлендер, Боришанский, Маркитант, Левензон, Гозиосский, Матвеев, Набатов, Боннель-Андрэ и мелкота – Бородавкина, Лосева, Борисова. Всего 12 человек. Двух лиц я выделяю особо – Масинзона и Лондона, и о них также буду говорить особо.

Я позволю себе просить вашего, товарищи судьи, разрешения, излагая свои соображения по данному делу, придерживаться той системы, по которой было построено и само обвинительное заключение, и в таком случае раньше всего перейти к эпизоду, который мы все время называли «эпизодом Матвеева». Фабула этого эпизода весьма несложная, и, чтобы изобразить ее, красок никаких не нужно. Но эта фабула так же проста, как и грязна, и заключается она в том, что преступник, настигаемый правосудием, умел находить себе из числа служителей правосудия помощника и защитника: он покупал этого «служителя правосудия» и оставался безнаказанным.

Таков «эпизод Матвеева». Эпизод этот заключается в том, что 17 апреля 1923 года в губернский суд для производства расследования поступило дело за № 25, как это значилось на обложке.

Сейчас же нашлись приятели, товарищи, посредники, ходатаи, и дело начало затираться. В данном деле двумя крайними точками являются Матвеев, купец, имеющий уже за со-

бою судимость по аналогичному делу, квалифицированному той же самой ст. 114-а УК, и старший следователь Ленинградского губернского суда Шаховнин. Между этими двумя точками размещается вся эта небольшая, но теплая компания Пахомов, Иванов и Михайлов. Через них и, в частности, через Михайлова Матвеев прокладывает себе дорожку к Шаховнину. Завязываются непосредственные деловые сношения, которые и кончаются к обоюдному удовольствию всех заинтересованных лиц. Сделка сделана, «правосудие» куплено, правосудие загажено, оскорблено!..

Посмотрим, в чем заключалась роль каждого из участников этой сделки. Здесь, на суде, Матвеев признал себя виновным и, казалось бы, нам незачем на нем и останавливаться. Он признал себя виновным на суде, и это указывает на якобы проснувшееся в нем раскаяние, на пробуждение в нем сожаления по поводу совершенного. Но это требует проверки, ибо, может быть, это раскаяние только внешнее, ибо по существу, может быть, этот преступник ничего не сделал для того, чтобы вскрыть преступление, когда в этом мы нуждались больше всего, и, может быть, свое сознание принес к судебному столу только тогда, когда был уже пойман и притащен сюда страшной петлей, уже затянувшейся у него на шее. К сожалению, с Матвеевым дело обстоит именно так. Посмотрите все его показания на предварительном следствии.

Сначала он пытался все отрицать: «Я у следователя Шаховнина на квартире никогда не был». «Я со следователем

Шаховниным никогда и нигде не встречался». «Общих знакомых с ним не имел». «Для меня никто не справлялся, я никого не просил». Словом – я не я и лошадь не моя. «Ничего решительно не знаю»... Полное заперительство. В это время Матвеев усиленно замечает следы. Что делает Матвеев? – «Не знаю, не был, не просил, не давал». Полное отрицание, полное заперительство. Так он начинает и так долго, долго продолжает. Правда, через некоторое время он не выдерживает своей роли и начинает проговариваться о том, что Иванов обещал похлопотать, что Иванов требовал денег, но не как взятку, а как будто в долг, – берет в долг, хотя, впрочем, потом и не отдает. Очень характерный штрих – полупризнание, облеченное в форму отрицания. Иванов берет в долг. Матвеев – купец, почему купцу не дать в долг? Могли же быть у них и коммерческие отношения? Но проходит время, и под давлением улики, которые падают на голову Матвеева, он начинает сдавать, он начинает признаваться, он уже признается в том, что с Шаховниным у него устанавливается «контакт» и что дело, как он выражается в одном из своих показаний, шло не худо: хлопоты действительно дают уже некоторые результаты; но это все же стоит денег. И вот мы здесь, на суде, подсчитали, каких это стоило денег.

Можно считать установленными цифры, зафиксированные на судебном следствии. Мы видели из признаний Матвеева, Иванова и Пахомова, что они, Иванов и Пахомов, деньги получали и, в частности, – те суммы, которые установле-

ны в обвинительном заключении. Как это подтверждено исследованием, произведенным здесь, на судебном следствии, Иванов получил 2200 руб., Пахомов получил 1400 руб. и 1200 руб., но для них это мелочи. Вот благодаря этим деньгам Матвеев получает возможность, оплачивая услуги Пахомова и Иванова, сблизиться с Шаховниным и остаться благодаря Шаховнину безнаказанным. Далее мы встречаем Матвеева уже в другой фазе этого процесса, – как известно, всякий такой процесс проходит несколько фаз и стадий.

Одна из стадий заключалась в том, что эти господа сначала занимались угощениями за счет своих доверителей, если позволите так выразиться, садились с ними за стол и клали ноги на стол. Вот эта стадия была и в деле Матвеева, когда следователь Шаховнин влез к Матвееву и положил ему на стол свои судейские ноги. Я говорю о знаменитой попойке у Пахомова, когда Пахомов приглашает Матвеева и Шаховнина, и здесь, так сказать, венчается дело. Напомню происшедший на этой попойке характерный разговор. Шаховнин вел разговор с Матвеевым относительно своих худых подметок и отсутствия у него летнего пальто. Высчитали, что нужно 2500 руб., и тут же дается 2000 руб. Взятка дана, Шаховнин в руках у Матвеева, а теперь они оба в руках у нас.

Тут один момент чрезвычайно важен. Была попытка в течение судебного следствия так осветить этот разговор между Матвеевым, Шаховниным и Пахомовым об этих подметках и пальто, что, дескать, это свидетельствует о честности

Шаховнина, ибо он говорил даже: «Знаю я ваше «поблагодарю». Если бы я брал ваши «благодарности», то у меня не было бы таких худых подметок и было бы пальто». Здесь перервернута самая подкладка этого дела. Ничего подобного не было, и дело обстояло как раз наоборот. Когда Шаховнину пообещали «благодарность», он сказал: «Да, обещать-то вы охочи, вы все обещаете, а когда до дела доходит, так, чтобы дать, то у меня остаются только худые подметки. А потому (если позволите выразиться языком Сенина, человека, как он сам себя называл, реального) – дайте мне хотя что-нибудь реальное». И вот в виде реального подносятся Матвеевым 2000 руб. Матвеев дает взятку деньгами, вином, угощениями в «Москве» или «Слоне», где они были и где Иванов и Пахомов оплачивают за счет Матвеева эти расходы и счета представляют тому же Матвееву. Дело действительно шло, как выразился сам Матвеев, не худо. Этого всего совершенно достаточно для того, чтобы признать доказанной здесь взятку, для того, чтобы роль и сущность совершенного Матвеевым преступления были оценены вами, товарищи судьи, так, как этого требует ваша судейская совесть, как этого требует наш советский закон.

Я также считаю установленным, что в этом эпизоде роль передатчика, посредника играют Пахомов и Иванов. Но ведь это не простые посредники. Ведь это бывшие члены Российской коммунистической партии. Один из них, Иванов, являлся даже организатором партийного коллектива, т. е. яв-

лялся лицом, уже поднявшимся над массой рядовых коммунистов. Он это сам отлично сознавал. Вокруг него был известный начальнический ореол. Мы знаем теперь, что благодаря этому ореолу Пахомова сравнивали не с кем иным, как с господином исправником...

Вот эти два коммуниста на словах, эти строители будущего на словах, эти люди, ниспровергающие старый мир и возводящие основы нового мира, тоже на словах, а на деле – маленькие, грязненькие, развратные обыватели, поскользнувшиеся на маленькой нэпмановской корочке, брошенной им под ноги Матвеевым, и покотившиеся по наклонной плоскости, увлекая за собой всех, кто с ними соприкасался. Пахомов играл в этих делах роль губпродкома или упродкома, во всяком случае какого-то хозяйственного организатора для Шаховнина. Шаховнин говорит: «Просил Пахомова принести мне продукты». – «Почему Пахомова?» – «Да ведь Пахомов служил в ЛЕПО⁸. Я хотел, чтобы он по своей цене принес». Но, оказывается, Пахомов идет к Матвееву и берет у него в лавке продукты, приносит Шаховнину, и, таким образом, продовольственная потребность Шаховнина удовлетворяется. Это рассказывал нам здесь сам Пахомов. И, конечно, для нас, знающих дело и прослушавших все судебное следствие, не секрет, что и Пахомов, как и Матвеев, отрицавший все то, что здесь было доказано, пытался отрицать свое знакомство с Матвеевым. Нам, впрочем, известно, что если он

⁸ Ленинградское единое потребительское общество.

мало знает Матвеева, то много за него хлопочет перед Шаховниным.

Мы помним, как он здесь отпирался и как, только будучи припертым к стене, признался в том, в чем он не мог не признаться. И тогда мы узнали, что он был и в «Италии» и в «Метрополе», – вот названия тех кабаков, где Матвеев спивал следователей, где следователи пропивали свою судейскую совесть за счет Матвеева. В «Италии» мы встречаем Пахомова, Иванова и Шаховнина, в «Метрополе» встречаем Пахомова, Иванова, Шаховнина и Михайлова, – Михайлова не в качестве благородного свидетеля, а в качестве одного из тех, которые «сводили» этих господ.

Вы помните, товарищи судьи, как у них в этот памятный день не хватило денег, как Пахомов решил пойти за деньгами к Матвееву. Он не постеснялся глухой ночью постучать в дом к Матвееву. И что же? Открылась дверь, и он получил необходимую сумму, и они продолжали свое «дело». Характерная подробность – просили тогда деньги не на нужду и даже не просто на пьянство, а на женщин, к которым должны были поехать. Михайлов очень упорно пытался отрицать это. Он даже раз на суде отказался отвечать на вопрос, куда они собирались ехать и кто это «девочка Надя», которая оказалась потом Поповой, кстати сказать, той самой проституткой Поповой, с которой познакомил Михайлова не кто иной, как обвиняемый Сенин, этот бывший следователь стрелкового корпуса, военный следователь. Михайлов пробовал это

все отрицать, но был уличен и изобличен фактами.

Пахомов не сознается в совершенном им преступлении: по его словам, он получил только 500 руб. Это отягчает участь Пахомова.

Иванов остается некоторой загадкой. В самом деле, как же это так? Этот Иванов поднялся в партийной работе до организатора партийного коллектива. Но Иванов, несмотря на все свои попытки изобразить из себя чуть ли не потомственной, пролетария, был изобличен как бывший торговец, как бывший владелец посудного магазина. Этот Иванов тоже отпирается, потом начинает сдавать, подтверждает «Италию», подтверждает «Метрополь», но опять запирается в отношении сумм, которые он получил от Матвеева. Уж здесь Матвееву надо поверить. Купеческая душа знает хорошо счет тем деньгам, на которые она покупает чужие души Матвеев точно подсчитал – заплатил 2200 руб.; Иванов говорит – 750 руб. получил на угощение, 200 руб. получил на пиво, деньгами получил 1000 руб., но получил «в долг».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.